

Академия наук Узбекской ССР
Институт рукописей им. Х. С. Сулейманова
Избранная лирика Востока

Бабарахим Машраб

ИЗБРАННОЕ

Перевод Сергея Иванова
Издательство ЦК КП Узбекистана, Ташкент, 1980
Составитель Абдурашид Абдугафуров

Бабарахим Машраб - народный узбекский поэт XVII-XVIII вв., автор лирических стихотворений, написанных в различных жанрах.

БАБАРАХИМ МАШРАБ (1640-1711)

Имя замечательного мастера слова, проникновенного лирика Бабарахима. Машраб занимает видное место в ряду таких выдающихся представителей узбекской литературы, как Лютфи и Навои, Бабур и Турды, Махмур и Агахи, Надира и Муками, Фуркат и Завки. Своим творчеством он оказал значительное влияние на развитие и совершенствование узбекской литературы конца XVII-начала XVIII веков. Велики заслуги поэта в укреплении антиклерикальных мотивов в поэзии, в усилении ее мятежного духа, расширении ее тематического круга, углублении ее народности, совершенствовании различных жанров лирики, повышении литературного мастерства. Его газели, мурабба, мустазады и мухаммасы, выразительные, искренние, блестящие жизненностью и энергией, широко известны во всей Средней Азии. Машраб по праву снискал себе неувядаемую славу поистине народного поэта.

* * *

Бабарахим родился в 1640 г. (1050 г. хиджры) в Намангане в семье Валибаба, бедного ремесленника-ткача. Жизнь семьи была трудной, но природные способности и упорство Бабарахима позволили ему в юности приобрести серьезные познания в различных науках того времени, в частности, в религиозной философии. Будущий поэт в течение некоторого времени обучался в Намангане у муллы Базар-Ахунда, а затем в Кашгаре у знаменитого суфийского ишана Афак-Ходжи.

Однако Бабарахим не стал ревностным последователем влиятельного духовенства, остался равнодушным к призывам предпочесть отшельничество и религиозное смирение живой, реальной жизни. Чем больше он узнавал истинное лицо Афак-Ходжи и его приспешников, их при творство, лицемерие, лживость и порочность, тем больше утверждались в его сознании сначала сомнения, а затем и отвращение к виденному.

К 1672-1673 гг. в мировоззрении Бабарахима стали проявляться открытые идейные расхождения с учением Афак-Ходжи. Желая избавиться от вольнодумца, осмелившегося насмешливо относиться к духовному служению и к некоторым религиозным установлениям,

Афак-Ходжа обвинил Машраба в любви к одной из своих служанок и сурово наказал. Началась жизнь, полная превратностей: почти сорок лет прошли в непрерывных странствиях и скитаниях на чужбине. С детства полюбив поэзию, Машраб с интересом изучал творчество Лютфи, Навои, Хафиза, а к 70-годам XVII в. сам приобрел известность как выдающийся поэт. Разрыв с удушливой атмосферой среды Афак-Ходжи дал новый толчок творчеству Машраба, которое становится еще более совершенным.

В творческом наследии Машраба главное место занимает лирика. В эпоху, когда было почти безраздельным господство туманных суфийских учений об отрешении от земной жизни, об уединенном служении богу, о грядущем загробном бытии, поэт обращает свой взор к реальной действительности, к живому человеку и его чаяниям, пишет о любви и верности - величайших из человеческих чувств. Машраб обогатил нашу поэзию значительным количеством газелей, считающихся несравненными образцами любовной лирики.

Во многом своеобразен и глубоко народен поэтический стиль Машраба. Лучшие его произведения отличаются высокой художественностью и тонким изяществом, взволнованностью и глубиной чувств, остроумием и напевностью, простотой и непринужденностью.

Обращаясь к различным лирическим жанрам узбекской поэзии, Машраб стремился сделать их близкими и привычными для широкой массы читателей и слушателей, из различных стихотворных размеров он выбирал наиболее легкие. Особо следует отметить, что среди узбекских поэтов Машраб создал наибольшее число мустазадов, причем все они обладают высокими художественными достоинствами.

Свойственные газелям Машраба достоинства проявляются не только в мустазадах, но также и в других жанрах восточной поэзии - мурабба, мухам-масах, мусаддасах и мусабба.

Литературное наследие Машраба характеризуется глубоким социальным содержанием, народностью, антиклерикальной направленностью. Поэт с глубоким сочувствием изображает тяжелую жизнь простых тружеников, "сердце которых изранено мечом насилия", а "тело изъязвлено горем и страданиями", и сурово осуждает несправедливость и тиранию.

Машраб смело разоблачает двуличную сущность лживых и притворных служителей религии, ему свойственно неприятие многих религиозных догм, а в некоторых из них он открыто сомневается. Например, во многих стихах весьма пренебрежительно говорится о рае, аде, загробном мире, Мекке и выражается готовность поменять их "на одну бутылку вина" или продать "за одну монету". Именно за это правящие слои общества и реакционное духовенство видели в Машрабе своего злейшего врага. В 1711 г. (1123 г. хиджры) Машраб был повешен в Кундузе по указу духовников и правителя Балха Махмудбея Катагана. Замечательный поэт, подобно Мансуру Халладжу и Имадеддину Насими, пал жертвой в борьбе свободомыслия с господствовавшей феодальной идеологией.

А. Абдугафуров.

ГАЗЕЛИ

О гнет любовных пут, - что сделал он со мной:
Меня стыдится люд - обходит стороной!

От страсти истекли все очи кровью слез, -
Все семь сторон земли захлестнуты волной.

Ханжа, свой пыл тая, к михрабу преклонен,
Михраб мой - бровь твоя, - молюсь тебе одной.

Нагрязнул страж сюда - отнять у нас вино, -
Увы, ему чужда суть тайн любви хмельной.

И хоть терплю я, тих, сто тысяч твоих кар,
Ты с мерой сил моих сверяй их груз шальной.

О, как смятен Машраб, безумьем истомлен, -
Ужель ты не могла б хоть раз побыть со мной!

* * *

Стеная день и ночь, молю о справедливой доле,
От пери злой я все стерплю, но я умру от боли!

Она - тюльпан, она - рейхан, она - жасмин и роза,
И кипарис склонил свой стан пред нею поневоле.

Когда Юсуф прекрасный есть - смятенье всей вселенной,
Всем властелинам мира честь - его предаться воле.

Сто завитков кудрей твоих мне стали сетью бедствий:
Душа моя, как птица, - в них, в губительной неволе.

Весь мир в восторге от тебя - пленен твоей красою,
Все плачут, о тебе скорбя, томясь в лихой юдоли.

К тебе стремлюсь я с давних пор и одержим любовью:
Меня казнит твой грозный взор, печали поборол.

Мне у потухшего костра влачить все дни в разлуке, -
Где сень родимого двора, там и приют для голи!

Огонь твоей красоты жесток: сжигает жар Машраба,
И он горит, как мотылек, в любви томясь все боле.

* * *

О, как ты любима мною, - или верь, или не верь,
Сердце, все в крови, - больное, - или верь, или не верь.

В ночь разлуки мои стоны высь небес дотла сожгли, -
Так стенаю я и ною, - или верь, или не верь.

О венец мой славный, встретил я негаданно тебя, -
Шел твоей я стороною, - или верь, или не верь.

По устам твоим тоскуя, сердце рдеет, как бутон, -
Словно роза ты весною, - или верь, или не верь.

Сладкоустая, разлукой ты погибель мне сулишь, -
Горечь мук тому виною, - или верь, или не верь.

Здесь, у твоего порога, был Машраб, да вдруг исчез,
Молнией сверкнув шальною, - или верь, или не верь!

* * *

Неси, ветер, вихрем заветное слово -
Молитву о той, что ко мне так сурова, -

О ней - звездоокой, о ней - тонкостанной,
О ней - змеекудрой, о ней - чернобровой,

О трепетной станом, о склонной к обманам -
О той, что неверной всегда быть готова.

Она, словно пери, сокрылась от взора,
И доля моя и тяжка и бедова.

У ней, власть имущей, как шах всемогущий,
Нет мне, бедняку, ни защиты, ни крова.

Единым обетом клялись мы об этом -
Отдать божью гневу рушителя слова.

Истерзан я мукой, измучен разлукой, -
О, если бы тело вновь стало здорово!

Рыдаю, стенаю, покоя не зная, -
Летят к небесам стоны тщетного зова.

К тебе я, друг милый, взываю: "Помилуй!" -
Не стою я, право же, гнева такого!

Пусть беды и муки мне крыльями станут,
И сердце, как сокол, парить будет снова.

Соперники злые мне путь заступили, -
Пошел я стезей, что от века тернова.

О, как неверна ты, о, сколь ты жестока, -
Тебе меня, верного, мучить не ново!

Измучен сторицей, я стал бледнолицый, -
Мой пыл отдан той, что, как роза, пунцова.

Увидеть красу бы твою, дорогая, -
Я жертвой паду пред тобой с полуслова!

Сгорел от любви я к тебе, чаровница, -
Хоть раз снизойди до меня ты - дурного.

От страсти к тебе вся душа моя в ранах, -
Зачем же стыдить, что я сник бестолково!

Я ночью и днем на пути твоём плачу, -
"О, будь милосерд!" - я молю всеблагого.

Но бедный, несчастный, бездомный, безгласный,
Готов я все вытерпеть снова и снова.

И как не стенать от мучений Машрабу,
Когда грозноокая сердцем сурова!

* * *

Все мое сердце я отдал неверной, -
Сердцем сгораю от муки безмерной.

О, пожалей же меня, чаровница, -
Тяжко влачу я мой груз беспримерный.

Ждал я блаженства, а ты меня мучишь, -
Жалуюсь богу я, раб его верный.

Как же мне быть, я повержен любовью, -

Сердцем смирился я с долею скверной.

Ранен ресниц я твоих остриями,
Речью твоею сражен лицемерной.

Ты не щадила страдальца Машраба, -
Умер он, бедный, в тоске непомерной.

* * *

О, яви же красу свою жадно глядящим,
Мотыльками трепещущим в жаре палящем!

На молитву мою от тебя жду ответа,
Жизнь моя - это дар всем, любовью горящим.

Твердосердная, нет в твоём сердце участия, -
На бездольных взгляни взором, милость дарящим!

Вспомяни о Машрабе, тебе жизнь отдавшем,
На пороге твоём безутешно скорбящем.

* * *

Я красавицу встретил, и с улыбкой лукавой
Мне дала она хмеля - опоила отравой.

Взор её - что разлука, рдеют губы от хмеля, -
Суждена мне до смерти чаша муки кровавой.

Ей всю жизнь посвятил я, лишь о ней и мечтая, -
Все твердят мне: "Безумец!" - вот с какою я славой!

Все на свете забыл я, страстно предан ей сердцем, -
Все иное мне чуждо, - что со мной, боже правый!

День и ночь о любимой вспоминая, рыдаю, -
Мотыльком я сгораю, мучим мукой неправой.

В сердце скорбь безысходна, нет ни друга, ни брата, -
Зло соперники травят меня всей оравой.

О Машраб, ты безумен, нет к былому возврата,
Падай жертвой, бесстрашен перед смертной расправой.

* * *

Другу верному скажи, что за мука сердце гложет, -
Все поведай безо лжи: горю горечь слез поможет.

Как печальный соловей, плачу я в саду заветном,
Плачу о беде своей - той, что душу мне тревожит.

Клятвой, как Шансур, влеком, пью я чашу испытаний, -
Перед висельным столбом я стою, и век мой прожит.

Но глоток того вина муж хотя бы раз вкусивший
Правду в Судный день сполна в свой ответ пред богом вложит.

Горестный Машраб, крепись: тайн своих ханже не выдай, -
С одержимым поделись - все понять собрат твой сможет.

* * *

О рок, я волею твоей с моей прекрасной разлучен,
Я с цветником, как соловей, хмельной и страстный, разлучен.

Как быть мне? Я вконец тобой истерзан, гибну от разлук:
Твой раб, и с жизнью и с душой я, разнесчастный, разлучен.

Ярмо неисчислимых бед, как венчик горлицы, на мне, -
Я с той, которой краше нет, судьбою властной разлучен.

И тяжкий стон моих скорбей не ставьте мне в укор, друзья, -
Я с ненаглядною моей и сладкогласной разлучен.

И если ты, покинув дом, бредешь, Машраб, из дола в дол, -
Ну что ж, ведь ты с родным гнездом, как сыч злосчастный, разлучен!

* * *

Когда с той пери озорной мы цедим хмель густой,
Пьянит нас влагою хмельной отцеженный настой.

И сердце - в небыли пустой, хмельно от влаги той, -
Я - твоя жертва, - о, постой, хоть взглядом удостой!

Погрыз я с головы до ног в позоре и грехе, -
Я трепещу, твой гнев жесток, смири свой нрав крутой.

Увял я телом и зачах, как смятая трава, -
Твоим стопам мой жалкий прах - опора и устой.

Вся жизнь твоя, Машраб, точь-в-точь как отшумевший вихрь:
Едва задув, он мчится прочь с тревожной быстротой.

* * *

Если в лад звенящим струнам ладен твой напев, - прекрасно,
Если светишь блеском юным, средь красивых сев, - прекрасно.

Если ты коня к уладам, к пиршествам веселым гонишь,
Если ты смущаешь взглядом дивных райских дев, - прекрасно.

Если в круге моря страсти точку жемчуга отыщешь,
И найдешь свое ты счастье, жемчуг в душу вдев, - прекрасно.

Ну а если ветром скорым вдруг мелькнет Машраб несчастный,
И к нему, не глянув взором, обратишь ты гнев, - прекрасно!

* * *

Ты наряд надела красный, краше быть стократ желая,
Всех смутила ты опасно, в мир внести разлад желая.

Ты в красе повадок властных стройным станом проблистала,
Горемык, как я, несчастных всех сгубить подряд желая.

А когда свой лик прекрасный ты открыла, чаровница,
На тебя смотрели страстно все, узреть твой взгляд желая.

Ты смотрела в оба ока и кудрями ты играла,
Видеть, как весь мир жестоко смутою объят, желая.

А едва я молвил слово, пред тобой склонившись робко,
Ты нахмурилась сурово, в сердце влить мне яд желая.

Дико вскачь коня гнала ты, словно властелин жестокий,
Меч мучений занесла ты, жизнь мою в заклад желая.

Сколько лет рабом покорным ты, увы, пренебрегала
И карала гневом черным, всех лишить отрад желая!

О, казни, но только, глянув, хоть на миг яви мне милость,

Крови ран моих - тюльпанов больше всех услад желая!

Ты кинжал булатный точишь, смертью ты грозишь Машрабу -
Судный день расплатный прочишь, злых ему расплат желая.

* * *

О, глаза ее жестоки, - томна, черноброва, - гляньте,
Кудри мускусом на щеки падают лилово, - гляньте.

Столь красивой в платье красном, да с узлом в кудрях прекрасных,
Да с лукавством томно-страстным - ей сдержать ли слово, - гляньте!

Ей красою неземною солнце лишь срамить с луною,
Все падут пред ней одною: сколь чело пунцово, гляньте.

Брови - луков всех жесточе, жала стрел метать охочи,
Ворожкой коварны очи: сколь она бедова, гляньте.

Я, Машраб, томлюсь безгласно, жду любимую всечасно,
Весь в огне сгораю страстно: сколь она сурова, гляньте!

* * *

Нет, никому не ведомы те беды, что терплю я,
А застенать - так бедами все небо расколю я!

Гоню все беды мимо я, душою успокоен,
Когда придет любимая узнать, о чем скорблю я!

Без жалости, без совести убей меня жестоко,
И пусть в пустыне горестей потоком кровь пролью я.

И верую глубоко я, что в мире не найдется
Такой, как звездокая, которую люблю я.

Стерплю все речи строгие, приди, хотя б с укором, -
Пал на твоей дороге я - в слезах тебя молю я.

Пока ты жизнь невинную мою терзаешь мукой,
Машраб, такой кручиною всю душу загублю я!

* * *

С тьмою бедствий меня сдружила, горе мне принесла печаль, -
Как же мне не стенать уныло, если так тяжела печаль!

Но избавишься ли от скверен, если выпал тяжелый рок?
Сколь я ни был и добр и верен, мне ответом была печаль.

Сколько рушилось бед-напастей что ни час на меня с небес!
И рожденному для несчастий счастье застила мгла-печаль.

В чуждом граде, в лихих утратах от собратьев я отрешен:
Всех друзей во врагов заклятых переделать смогла печаль!

Сотней тысяч бедствий упрямо меня мучил мой грозный рок,
Прогнала меня, как Адхама, от людского тепла печаль.

Что ни ем, что ни пью - отравы, тряпки савана - мой наряд,
Девяти небесам неправо меня мучить дала печаль.

Муки с бедами - вперемешку, без участия сгорел Машраб,
И друзьям и врагам в насмешку мне дала долю зла печаль.

* * *

На меня взглянула мило искрометным взглядом дева,
А потом, увы, томила мое сердце ядом дева.

Стрелы бедствий каждый день я чувал страждущей душою,
Но не слала исцеленья, а гнела разладом дева.

Лик укрыв за пеленою, как свеча, она горела, -
Сколько праведных душою отравила чадом дева!

Мучит, губит и не сгладит состраданьем мои муки,
А с соперниками ладит очень добрым ладом дева!

В небе - солнце ли с луною или жар моих стенаний,
Или гнев свой надо мною мечет звездопадом дева?

Нет, не звезды то, конечно, загорелись в горней выси, -
То, светясь красою млечной, жемчуг сыплет градом дева.

Райский сад пылает ало, от огня любви сгорая, -
То красою запылала с гуриями рядом дева.

Соловьем стенаешь рьяно ты, Машраб, в саду свиданья, -
Дарит в куцах Индустана сладость всем усладам дева.

* * *

Локон твой - благовонье ночи, дух души моей страстной, дева,
Светят ярче звезд твои очи, лунный лик твой прекрасный, дева.

Твои губы - рубин багряный, лик твой ярче розы румяной,
Каждый смертный - слуга твой рьяный, твой невольник безгласный, дева.

Лик твой - яркой розы алее, зубки – всех жемчугов белее,
Стан твой, брови - их нет милее, светоч солнца мой ясный, дева.

Лишь увидев твой лик чудесный, сгинул в небыли я безвестной,
Я томился в темнице тесной - ты была безучастной, дева!

Твой Машраб на тебя лишь глянет - сахар уст твоих к неге манит,
Сразу легче на сердце станет мне с тобой, сладкогласной, дева!

* * *

Как мне жить на чужбине без любимой моей?
Жизни нет и в помине, что ни миг - все трудней.

Знавший радость и муки вам всегда подтвердит:
Повторенье науки - ключ к познаниям в ней.

Мир в скитаньях горючих весь пройдя, я познал:
Нету роз без колючек, кто красив - тот и злей.

У страдавших душою я спросил и узнал:
Кто другим сделал злое - сам во власти скорбей.

Не казни же, терзая мукой сердце мое, -
Проглядел все глаза я, от тебя ждя вестей.

Знавший жгучие слезы радость в жизни найдет:
Не остался без розы ни один соловей.

Жизнь не знает пощады к тем, кто ищет свой клад:
Где сокровища-клады - там пристанище змей.

Я любимой навстречу, мучась сердцем, бреду,
А негаданно встречу - глядь, соперники с ней.

О Машраб, где участие твоих верных друзей?

И не жди в жизни счастья без любимой своей!

* * *

Ты меня всегда гнела, верности твоей не знал я,
Мне подобной жертвы зла меж земных людей не знал я.

Я, на путь любви ступив, претерпел одни лишь муки,
Жребий мой несправедлив, и несчастья злей не знал я.

Нет, о лекарь, ты не спорь: видно, мне дружить с недугом, -
Жилу жизни съела хворь, - как мне сладить с ней, - не знал я.

Каждый богохульник лих - спесь свою, гордыню холит,
А нехитрых и незлых меж святош-ханжей не знал я.

Мне от вихря бед невмочь в этом злобном, старом мире,
А готовых мне помочь преданных друзей не знал я.

И когда, больной, я слег и не чаял исцелиться,
Кто б молитвой мне помог, - хоть весь век болей, - не знал я.

Мне плутаний не минуть, - так назначено мне роком, -
Кто бы мне в блужданиях путь указал верней, - не знал я.

И с израненной душой я к кому ни обращался,
Кто ж помог? В судьбе лихой помощи ничьей не знал я.

Сломлен, с мукой лишь знаком, я ни в чем не знал отрады,
Ничего в саду мирском, кроме бед-скорбей, не знал я.

И покинул мир Машраб, следуя стезей Адхама,
Я, сраженный злом, ослаб - радостных вестей не знал я.

* * *

Вид явился мне странный: будто вспыхнул закат,
Образ в нем прямостанный - словно пери, крылат.

То - свет лика любимой иль пылает весь мир?
Весь пустырь непрозрачный стал цвести, словно сад.

То ее ветер ли мчится, мне смятеньем грозя?
Нет, то пыл чаровницы жаром страсти чреват.

Если злой ее власти меня любо казнить,
Сам себя же на части рвать пред нею я рад!

Пестроцветье пригоже в ее вешней красе, -
Да не тронет, о боже, ее тлен-листопад!

Сколько лет я уныло - снег ли, дождь - жду тебя, -
Чаровница забыла, что я мукой объят.

Путь ищи справедливый, - жизнь уходит, Машраб,
Чужд дороге счастливой пленник доли утрат.

* * *

Ссорой, шумной и кричащей, бедствие сюда приходит,
Как к овце кинжал разящий, и ко мне беда приходит.

Острые меч-булата глянуло в руке у ката,
Мне готовится расплата: меч остер – страда приходит.

Я уйду с моей тоскою, боль души не успокою,
Зато с пери колдовскою мне побыть чреда приходит!

С жизнью я прощусь своею, хоть и миг, а буду с нею, -
Что же мне, как и злодею, кара, столь худа, приходит?

Зла твоя, Машраб, судьбина, но не плачь же - в чем причина:
К любящему смерть-кончина вовремя всегда приходит!

* * *

Один, не на пиру твоём, страдалец твой скорбит, рыдая, -
Так мотылек горит огнем - свеча горит, навзрыд рыдая.

О кравчий, дай мне для утех вина - утешь мои стенанья,
А то я на виду у всех, весь кровью слез омыт, рыдаю.

Мой пыл сожжет всю ночь разлук, тьму обжигая жаром молний,
В огне моих сердечных мук весь небосвод горит, рыдая.

В пустыне бед, не чуя ног, среди язвящих жал влачусь я,
О, у любимой нрав жесток, - бреду я, от обид рыдая.

Пусть не узнает, не поймет никто моей сердечной муки, -
Хоть и сожжен страданьем рот, а сердце боль таит, рыдая.

Твой нежный кипарис поник, Машраб, в слезах от козней рока, -
Теперь порвать и воротник души тебе не в стыд, рыдая.

* * *

Гнет моей нелегкой доли сердце мучит мне не даром:
Грудь мне в клочья рвет до боли, душу жжет терзаньем ярым.

Горестей разлуки жало грудь язвит, теснит дыханье,
Тело жжет, с землей сравняло плоть мою одним ударом.

Сам скитаньем жизнь я рушу, пью я чашу горькой доли,
Любо было мучить душу колдовского взора чарам!

Как безумец, я затравлен, чем я виноват - не знаю,
И за страсть к тебе ославлен я по всем земным базарам!

И со всех сторон слетели в раненое сердце муки,
Словно сердце в бедном теле - склад всем бедам и всем карам.

День и ночь терплю лишенья я, Машраб, без передышки,
И за эти прегрешенья жгут мне сердце новым жаром!

* * *

Не видать бы мне на лице белом родинок прекрасных никогда,
Не были б моим лихим уделом сотни мук злосчастных никогда!

Страсть едва вздохнет - и гонит ветер из чертога веры скверну бед, -
Пусть не норовит никто на свете пить вино бесстрастных никогда.

Птица Рух вот-вот сюда нагрянет, в Намангане в небо воспарив, -
Родинки твои да не приманят крыл ее опасных никогда!

Стоит лишь любимой покоситься - вмиг сгорят и тело и душа, -
Пусть со мной ни разу не случится бедствий столь несчастных никогда!

От невзгод лихой моей разлуки жизнь из тела вся исходит прочь, -
О, не знать бы мне жестокой муки бед моих ужасных никогда!

Жизнь отнимет пусть своей рукою, но огнем печалей не клеймит, -
Не лишать бы ей так зло покоя жертв своих безгласных никогда.

Быть рабом любимой для Машраба - благо: всей душой служи, цени,

Чтоб она тебя не прогнала бы из толпы подвластных никогда!

* * *

Чаровница мне предстала, на меня взглянула смело,
Приоткинув покрывало, брови прихотливо вздела.

Очарован был я разом, и смекнула чаровница:
Отняла и ум и разум, душу мне сожгла и тело.

Лик ее, пылая жаром, сердце в небыль мне расплавил,
Молния любви ударом прямо в душу мне влетела.

Вот ведь дева-христианка! Вмиг меня лишила веры:
Мне зуннар дала смутьянка - "Вот, надень!" - мол, что за дело!

Я брожу и днем и ночью, лишь о ней одной мечтаю,
А она меня воочью хоть разок бы пожалела!

"Что с тобой?" - она спросила, я в ответ: "Сверкни красою!"
И она чело открыла, - значит, я просил умело!

Бродишь ты, Машраб, по свету, не познав заветной цели, -
Слава богу, ты вот эту хоть мечту, душа, имела!

* * *

Чаровница, от разлуки горько плакать очи станут,
Врозь с тобой - изверюсь в муке: слезы все жесточе станут.

Взор твой в вере лицемерит: лишь безбожно глянут очи -
Все неверные поверят, веровать охочи станут.

Кудри черные на плечи лишь любимая распустит -
Все сердца, горя, как свечи, полыхать средь ночи станут.

Дивы, райские девицы, люди, ангелы и пери,
Увидав твой стан, дивиться диву что есть мочи станут.

Как печальный час настанет, капли слез Машраб роняет,
А на слезы в жажде глянет - дни невзгод короче станут!

* * *

Все беды породнил со мной мой беспощадный рок, увы,
Он с красотой неземной дружить меня обрек, увы.

Мечтая о тебе, душа от страсти млела, чуть дыша,
Но рок согнул меня, душа, - всей тяжестью налег, увы.

О, пожалей меня, собрат, надежд последних не лишай,
Судьбой лишен я всех отрад, слезами весь истек, увы.

Кому поведаю беду - мне выпавшую долю мук?
Я с ношей горестей бреду, и гнет ее жесток, увы.

Участья не найдешь ни в ком, я с равнодушием знаком,
Рок меня сделал бедняком - я сир и одинок, увы.

Да будь я даже хуже всех, но ведь и я не без утех,
И юность мне не ставят в грех, что я от всех далек, увы!

* * *

Приди ко мне, открой чело, вся моя жизнь - твоя отныне,
Огнем меня дотла сожгло - разлукой сломлен я отныне.

О, как, друзья, спастись от мук? Печален я и бесприютен,
Неисцелим мой злой недуг, и нет мне бытия отныне.

О, многим на земле невмочь от тягот и невзгод разлуки!
Душа исходит горлом прочь, но не со мной друзья отныне!

Боль о тебе - мою беду кому я выплачу в рыданиях, -
В могилу скоро я сойду, боль сердца не тая отныне.

Что ж ты, Машраб, так изнемог, снося лишения разлуки?
Терпеть тебе твой тяжкий рок, не зная забытья, отныне!

* * *

К кому в слезах припасть, сказав о ней - мне приносящей муки,
Про все крушащий ее нрав, враждебно мне сулящий муки?

Я душу отдал ей мою - все сердце, а она лишь мучит,
И вот о ней я слезы лью - неверной, мне дарящей муки.

Вот жизнь прошла, я ж не найду и праха от следов любимой, -
Кому я выплачу беду все сердце мне губящей муки?

Скитаясь у чужих ворот, все сердце сжег я пылом страсти, -
Страдальца только и поймет страдалец, сам терпящий муки.

Не стерпит даже небосвод рассказа о моих страданиях,
Не каждый все слова снесет о сердце мне разящей муке.

Влачащего свой век в глуши, бедой томимого Медждуна
Поймет лишь знавший боль души и сам в душе таящий муки.

О, нет, невежду никогда, Машраб, не тронешь добрым словом:
Известна тех мужей беда, что знали боль палящей муки.

* * *

Приди, красавица, тебе всю боль разлуки я открою, -
Да внемлешь ты моей мольбе - позволишь мне дружить с тобою.

Забыл я дом свой, все мечты, лишь о тебе твержу я речи, -
Никто не знает, знай лишь ты: твоею жертвой быть я стою.

Мне все чужды, кроме тебя, - клянусь, поверь же этой клятве:
Других гнети, карай, губя, но только будь добра со мною!

Что Сулейманов мне чертог, что кубок Джама! Мне дороже
Мой разубогий черепок с моею нищенской клюкою.

Твой камнесердный нрав жесток, сурова ты, лукава, злобна, -
О, кто ж, красавица, помог тебе неверной стать такою?

Святоша, поученья брось, ступай, в михрабе проповедуй, -
Мне в жизни видеть не пришлось ханжей, столь низменных душою.

Все злые сплошь посрамлены тобою: ты их злу обучишь,
Все лицемеры и лгуны тебе завидуют с тоскою.

Порой ты днем оставишь ложь, с притворным видом присмиреешь,
Потом - себя же превзойдешь и ночь затмишь своею тьмою!

* * *

Что мне с живой моей душой и с бранным телом делать?
Когда любимой нет со мной - что с миром целым делать?

Без друга, без вина ковшом зачем идти мне в Мекку?

Что с этим миром - торгашом, столь застарелым, делать?

Хоть рай дадут мне - мол, живи, - все восемь рвов отвергну:

Что мне два мира без любви - что с тем уделом делать?

Когда, везде разглашена, суть сокровенной тайны

Как бы лучом освещена, - что с этим делом делать?

Покинув свой предел, проник я в глубь небесных высей, -

Я беспредельности достиг, - что мне с пределом делать?

* * *

Пойду я к жилищу моей дорогой,
С собачьею сворой затею там вой.

Любимую гостьей узреть хоть бы раз
В убогой лачуге моей горевой!

Нет, лекарь, не вылечить раны любви -
Не сыщешь лекарства от болести той.

Слезами я весь небосвод сокрушу:
Текут мои слезы бурливой рекой.

Мечом твоей злости меня обезглавь, -
Пред кем я еще преклонюсь головой!

Твой локон я вспомню - и буквы нижу
Рейханним узором - строку за строкой.

И если любовь мое сердце сожжет,
Сокрыть ли в груди мне мой пыл огневой!

Она светом лика убила меня, -
Я в теле любимой хочу стать душой.

Машраб, я обрел свою каплю вина,
Я всем одержимым готов быть главой.

* * *

В степи любви я ночью брел, увы, не ведая дорог,
Но путь в отшельнический дол меня неудержимо влек.

Я одержимо шел с клюкой, едва прикрыт - и наг и бос,
И на огонь я всей душой летел стремглав, как мотылек.

Сей мир, красуясь и дразня, и призывая, и маня,
Зазвал и заманил меня, и позабыл я свой зарок.

И что за диво; в тот же миг во все пределы я проник,
И, как сорока, - прыг да прыг, скакал я вдоль и поперек.

О, нет, неверен мир земной! Я понял, сколь изменчив он, -
Конь вечности, оседлан мной, помчался. Путь его далек.

И понял я: сей мир лукав, враждебной хваткою он лих,
И, лик ногтями истерзав, себя я каяться обрек.

Господни люди говорят: "Сколь горек хмель мирских утех!"
И я, чтобы познать сей яд, вкусил той горечи глоток.

Потом, не зная забытья, в себе я своеволие бил,
И саблей отрешенья я себя казнил, как только мог.

И жарко-огненным копьем я миру выколол глаза,
И сабли хладным острием соблазнам голову отсек.

Безумец, не в стихе ль твоём, Машраб, - спасение от мук:
Ведь этим словом, как огнем, сердца влюбленных ты прожег!

* * *

О чаровница, с тех времен, когда дружить с тобой я стал
И любоваться, восхищен, твоею красотой я стал,

Я жемчугом из жемчугов прослыл на весь базар любви,
А для соперников-врагов ракушкой пустой я стал.

Когда ж настали дни разлук, я и метался и стенал,
И за позор от этих мук ославлен всей толпой я стал.

Когда я клятвою своей связал себя с одной тобой,
Для всех собратьев и друзей тогда совсем чужой я стал.

Любовь меня совсем сожгла, Машраб, все сердце - как зола,
Все тело сожжено дотла, - исчез я, сам не свой я стал!

* * *

Мне ныне только и к лицу стенать, томясь разлучным роком, -
Припасть бы с жалобой к творцу и небо пристыдить упреком!

И если молния блеснет - огонь любви придет на помощь,
Я опалю весь небосвод - сожгу его в огне жестоком.

Спаси от мук меня, собрат, спаси хотя бы на мгновенье,
Я этим мигом буду рад утешиться хоть ненароком.

Влюбленным станет меня жаль - они от скорби зарыдают,
Когда я выскажу печаль моих невзгод хотя б намеком!

Любовь - что океан большой, и ты, Машраб, увяз в пучине, -
О, мне и телом и душой страдать в унынии глубоком.

* * *

Когда я в этот мир пришел и в бездне мук его погряз,
Лекарств не ведая от зол, взывал я к небу - сколько раз!

И видел я: трясина мук - губитель тела и души,
И метил я, нацелив лук, в два круга нечестивых глаз.

Пил в кабачке я, не тужа, - и я познал в себе огонь,
Пошел в мечеть - и, как ханжа, заледенел я и угас.

С ханжою - пост, со мною - хмель, и я вовеки не отдам
За сотни праведных недель бутылъ вина, что я припас.

Хмель единения себе из рук наставника я брал,
Встречал на висельном столбе я, как Мансур, свой смертный час.

Моей безумной головы молвой не пощадил весь мир,
Я ж за единый звук молвы пыль двух миров от ног отряс.

И не корите, о друзья, Машраба за его недуг:
Познать юдоль небытия ему начертан был наказ.

* * *

О шах мой всевластный, я умер от страсти,
Души светоч ясный, я умер от страсти.

Так мучить меня у кого ты училась?
К тебе, сладкогласной, я умер от страсти.

Две брови твои - словно вздетые луки,
Прицел их - опасный, - я умер от страсти.

Я, словно бы Феникс, сгорев - воскресаю,
Сгорел я, несчастный, я умер от страсти.

Помилуй и сжался, взгляни хоть украдкой,
Палач мой всечасный, я умер от страсти.

Владычице мира я раб безответный,
В юдоли безгласной я умер от страсти.

Душа подступает к устам у Машраба, -
В любви моей страстной я умер от страсти!

* * *

Увидев тебя, всех людей я забыл,
К усладам-соблазнам угас в сердце пыл.

Всю душу, все сердце я отдал тебе,
И сам райский сад мне навек опостыл.

Других ты вином своей неги хмелишь,
Мой хмель - моя кровь, я в разлуке - без сил.

В жестокий тот день, о услада души,
Тобой на беду, видно, встречен я был.

И ночью и днем думал я и постиг:
Кто в мире, как ты, и прекрасен и мил!

Ты - тело мое, и душа моя - ты,
Твой след я повсюду, везде находил.

Поверь мне: в пустынях, томясь по тебе,
Костями я слег в подземелье могил.

И сердце скорбит, и тоскует душа,
Безжизнен, отраву мечтаний я пил.

И в сердце и в речи моей - только ты,

Тебе - мои клятвы, весь мир мне постыл.

И, зная, что мне не дожидаться тебя,
Я сердце мечтой о тебе вдохновил.

Увы, не видать мне тебя, не найти,
С печалью вдвоем я кручинюсь, уныл.

Едва я увидел румяный твой лик,
Сгорел я и пепел на небо я взвил.

Любовь твоя вечно светла, о Машраб,
Ты ночью и днем светишь ярче светил!

* * *

Я, лик твой увидеть мечтая, пришел,
Изведать, сколь сладки уста, я пришел.

Все сердце пылает, занявшись огнем,
Я, в пепел сгорая и тая, пришел.

О светоч мой лунный, внемли мне, молю, -
Лик лунный узреть - неспроста я пришел.

Пылаешь свечой ты, маня мотыльков,
К тебе я, в огонь твой влетая, пришел.

Откинь же завесу, открой мне чело, -
К тебе я открыт вся святая пришел.

Красавица, я послужить тебе рад, -
Рабом быть, надежду питая, пришел.

Машраб, здесь - дол времени, чаша времен, -
На малый срок в эти места я пришел.

* * *

Я изумлен безмерно: вдруг твоя краса открылась мне,
Струило дивный свет вокруг чело, подобное луне.

Все сердце мне и душу сжег огонь сиянья твоего,
И я летел, как мотылек, себя сжигая в том огне.

Стократ лукав был ее пыл, согретый хмелем кабачка,
И я всю веру вмиг забыл и был я словно бы во сне.

И видел я: она меня коварной красотой томит,
И я, сгорая от огня, застыл, безумный, в стороне.

В любви таков уж мой удел - лишь видеть свет ее красы,
И я смущением зардел, как розы рдеют по весне.

И мне не надобно пути к святыням веры и красы, -
Мне в море перл мой обрести желанно - хоть на самом дне.

Сумела накрепко запасть в, меня, Машраб, печаль любви,
Жива во мне одна лишь страсть, иное все невнятно мне!

* * *

Твой лик я увидел и стал одержим,
И чужд стал мне разум - расстался я с ним.

И пусть я умру, все мученья стерпев,
С пути не сверну - пусть он будет прямым.

Любовью вконец посрамлен на весь мир,
Всем притчею стал я - и добрым и злым.

Не думаю дум я о райском вине, -
От уст твоих пряных я стану хмельным.

Все, кроме тебя, я отверг, глух и слеп,
Все кинул, единой мечтою томим.

Я светоч красоты твоей видел во сне, -
Летел мотыльком я к огню через дым.

Любовью к тебе, как вином, я налит:
Я сам - и сосуд, и владеющий им.

Я был малой каплей в пучине морской,
Я жемчугом стал, что пучиной храним.

С огнем не дружа, древу жара не знать, -
Любовный огонь - мой собрат-побратим.

Пал тленом я в землю, но к жизни возрос:
Стал тысячей зерен, а был лишь одним.

В огне того лика все в небыль сожглось:
Душа вошла в душу - в любви я незрим

Пал тысячью ливней из глаз твоих дождь, -
Был глушью, а стал цветником я твоим.

С любимую я разлучен много лет,
Безумный и горестный, я нелюдим.

Спокойному - век, говорят, не гореть, -
Спокоен я был - ныне жаром палим.

Подай же Машрабу вина в кабачке, -
В мечеть не вошел я, а стал уж хмельным!

* * *

Лишь раз пришел я в этот мир и пленником утрат ушел,
Один лишь миг и жил я, сир, и, не познав отрад, ушел.

Искал я друга, одинок, но - нет, увы, найти не мог,
И сердце я печалью сжег - отчаяньем объят, ушел.

Не смог, влачась в мирском саду, я одолеть свою беду,
В печалях жил я, как в аду, - измученный стократ, ушел.

Корысть мой направляла шаг, в грехах плутал я так и сяк,
В сей мир пришел я, гол и наг, - не сыт и не богат ушел...

Глупцы-невежды день-деньской к соблазнам льнут, забыв покой,
И я, пленен тщетой мирской, от неземных услад ушел.

Машраб, ты о любимой млел - все ждал, во все глаза глядел,
Но был столь тяжек твой удел, что ты, тоске не рад, ушел.

* * *

Соловей садов вселенной, песнь пою в мирском саду я,
Для любимой, несравненной страстно свой напев веду я.

Чаровница неземная! Даже ночью, сна не зная,
Как Хафиз, томлюсь, стеная, и рыдаю, как в бреду я.

Опьяняясь хмелем страстно, млею, как Меджнун несчастный,

За Лейли моей прекрасной - за тобой, томясь, бреду я.

Опален твоей красою, сердцем я горю, душою, -
Весь дотла сожжен тобою, про свою пою беду я.

Жду свершения обета, день и ночь мне нет ответа,
Ты сказала: "Жди рассвета!" - вот теперь рассвета жду я.

Слов всеведущий ценитель, всех правдивых наставитель,
Мерных строчек повелитель, со стихом, Машраб, в ладу я!

* * *

О, это ужас, Судный день - с тобою разлученным быть,
И счастья благодная сень - разлук с тобой лишенным быть.

В огне любви стораю я, пылает в сердце кровь моя,
Увы, мне суждено, друзья, навеки обреченным быть.

Огонь мне грудь и сердце сжег, от мук измен я изнемог,
Со мной сдружился злобный рок, и как мне не спаленным быть!

Рыдаю я в плену оков, и тяжкий жребий мой суров,
И я всю жизнь отдать готов - готов испепеленным быть.

Любовь к тебе палит дотла - всех тебе верных извела, -
Позволь же, если ты не зла, мне одному влюбленным быть.

Зачем, друзья, на небосвод пенять мне, ждя его щедрот, -
От века бремени невзгод дано мне предрешенным быть.

Хоть раз Машрабу зов пошли, спроси, как дни его прошли, -
Позволь ему, хоть и вдали, просителем смятенным быть.

* * *

Повстречавшись с чаровницей, замер я, плененный, сразу,
Чудным взором поразиться должен был, смущенный, сразу.

И всю ночь, забыв дорогу, я блуждал звездой ночью, -
Лик твой лунный, слава богу, я узрел, влюбленный, сразу.

Как Фархад, от мук печален, я страдал в горах кручины,
Но, кайлом судьбы повален, я упал, сраженный, сразу.

И пока, пируя ночью, ты с другими забавлялась,
Истерзал себя я в клочья, словно помраченный, сразу.

Чем зардеет горячее лик твой пламенной свечою,
Тем быстрее лечу к свече я - гибну, опаленный, сразу.

Если сладкому обету суждено свершиться, верь мне:
Я души моей монету всю отдам, польщенный, сразу.

А увидеть мне случится, как ты пьешь вино с другими, -
Знай: вину тому пролиться - вылью все, взбешенный, сразу.

Лей мне, кравчий, без зарока - сразу дай вина Машрабу:
Жизнь свою в мгновенье ока отдал я, влюбленный, сразу.

* * *

Красавица, узрев тебя, я жертвою неволи стал -
На улице твоей, скорбя, скитаться в горькой доле стал.

Твои ресницы-стрелы вдруг насквозь пронзили тело мне,
И я кровавой жертвой мук, невиданной дотолле, стал.

Творец, да будет не дано другим столь горестной любви,
А я, что делать, уж давно скитальцем сей юдоли стал.

Я пред тобою преклонен, я - жертва под твоей стопой, -
Твоим мечом я разлучен с душою поневоле стал.

Томясь немилостью твоей, не зная, ждать ли мне вестей,
Скитаться у чужих дверей я в нищенской неволе стал.

Внемли же, мой прекрасный друг, к Машрабу милость прояви, -
Я странником в стране разлук – скитальцем в диком доле стал.

* * *

Красуясь, посмотрела - застыл мой взгляд тогда,
Весь мир и веру смело продать был рад тогда.

А молвила мне злая: "Что мне любовь твоя!" -
Меч ревности в себя я вонзил стократ тогда.

Я в горы бед глубоко вгрызался, как Фархад,
Но был киркою рока повержен, смят тогда.

Машраб - в пути, и вот он смятенно вдаль бредет, -
Узнать, куда идет он, вперил я взгляд тогда.

* * *

Пришел в этот мир я, и много я мук и тревог претерпел,
Я в бедах влачился убого и все превозмог, претерпел.

Кто льнет к удовольствиям праздным, претерпит жестокий позор,
Стал чужд я грехам и соблазнам и все, одинок, претерпел.

Что мир сей порочен всецело, я знал, он - губитель и враг, -
Я гнет его, кинувшись смело в бурлящий поток, претерпел.

Сей мир, не рука Азраила предел этой жизни кладет, -
Мне все жизнь мирская открыла: я все в ней, что смог, претерпел.

Машраб, ты отшельником, сиро, порвав с этим миром, бредешь,
И я отвернулся от мира, и все я, убог, претерпел.

* * *

Что мне делать, чаровница, жар любви к тебе - мой дом,
Каждый волос мой палится - как свеча, горит огнем.

Валом слез кроваво-жгучих я захлестнут с головой,
Словно кряж в Йеменских кручах, смыт рубиновым дождем.

Я кайлом моей кручины кряж души своей крушу, -
Ты одна - вся суть причины: я к тебе рублю пролом.

Райских мне услад не надо: по устам твоим томлюсь, -
Вкус томленья горше яда, ну а мне – услада в нем.

Каждый станет опаленным, если я хоть раз вздохну, -
Сделал кров я всем влюбленным в сердце огненном моем.

Не спасись вовек смутьянам, что тягаются со мной:
Жар души совью арканом - всех врагов словлю живьем.

Ладные стихи слагая в цветнике моей любви,
Соловья и попугая - всех сравняю с вороньем.

О Машраб, на ране рана - словно розы, на тебе,

А умрешь - цвести багряно им на саване твоём.

* * *

О, верь: я от любви твоей сгорел, и помрачен я стал,
Ославлен толками людей, позором всех времен я стал.

Ты в совершенстве неземном над всеми властна, как султан, -
О, сжался, нищим бедняком в глуши чужих сторон я стал.

Скитаясь у чужих ворот, всех вопрошал я о тебе, -
Не верь, что "ищущий найдет": увы, всего лишен я стал.

Меч твоей злости уж давно на части сердце мне рассек, -
Пусть розой не цветет оно: сам кровью заклею я стал.

Машраба мукою казня, о боже, пощади других, -
Друзья, молитесь за меня, чтоб роком исцелен я стал.

* * *

Терпенья мне недостает, и нет покоя от невзгод,
И день и ночь - душевный гнет, и бремя бедствий все растёт.

И хоть кричи, стеной и вой, об камень бейся головой, -
Зла сила муки горевой, и, видно, близок мой черед.

Вконец я сердцем изнемог, и сам сгорел, и душу сжег,
Я желт, слезами весь истек - примет моих печален счет.

Что все ходжи и все ханжи, все шейхи, все пророки лжи!
Вдали от них себя держи, любовь их – бедами гнетет.

Любовь сама-то - не беда, да много от нее вреда,
Машраб, судьба твоя худа: день ото дня сильнее гнет.

* * *

Не видя, дивная, твой лик, от грусти я несчастным стал,
А к сладостным устам приник - и к диву я причастным стал.

Помилуй, сжался, не кляня, не мучь покорного раба, -
Лишь бы приблизила меня - я смиренным и безгласным стал.

Твоих очей хмельны зрачки, а лик твой краше рдяных роз, -
Все сердце порвалось в куски, и жребий мой ужасным стал.

Просил от страсти амулет у лекарей я на торгах,
Но средства не нашлось от бед, и мой недуг опасным стал.

К Машрабу взор свой обрати и слову истины внемли:
Я - жертва на твоём пути, и я тебе подвластным стал.

* * *

В долине сердца ланям мук я дал раздолье и приют,
А ты взвела лукавый лук - тюльпанный луг взрастил я тут.

И тут же - путь лежит ко мне для всех удачливых в любви, -
Пусть в этой горестной стране для них все розы расцветут.

Поток моих рыданий яр - кровавым ливням нет конца,
Вот - камень с сердца тебе в дар, он - как рубин Йеменских руд.

Чтобы завлечь тебя в силоч, для птицы сердца твоего
Все тело с головы до ног расплел я для плетенья пут.

В душе моей цвет роз весной зардел от взора твоего, -
Пусть им навстречу белизной мои жасмины зацветут.

Мне чад молвы не побороть: позором сам себя я жгу, -
Как саламандра, моя плоть горит, и жар пыланья лют.

Машраб, в сей речи роковой - твой мученический предел, -
Вот он - кровавый саван твой, любовью сотканный лоскут!

* * *

Я, жалкий и больной, на твой порог пришел,
Поведать, что со мной, я, одинок, пришел.

И нет в руке моей подарка для тебя:
Я, жальче всех людей, сюда, убог, пришел.

Не отвергай! Везде отвергнут, посрамлен,
К тебе я, весь в стыде за свой порок, пришел.

Из стран небытия в мирскую суету
Тебе всю душу я отдать в залог пришел.

Помилуй и прости, недуг мой исцели, -
Я снадобье найти от всех тревог пришел.

Страданий не тая, Машраб мольбу твердит:
"Откройся! К лику я, что меня влек, пришел!"

* * *

О ветер, печалей моих сердцевед,
Любимой снеси от страдальца привет.

Печален я, грустен и сир-одинок, -
Любимая, стань мне лекарством от бед.

Что жертвы паломников божьей стези!
Ведь я каждый миг - твоя жертва, мой свет.

О друг мой, приди, дай увидеть твой лик, -
В беде одинок я, никем не согрет.

Мне власть Сулеймана - и та ни к чему, -
В тоске ждать тебя и терпенья уж нет.

Как кудри твои, моя доля темна,
Машраб, ты погиб, - где ж во мраке просвет!

* * *

В пустыню, страстью отрешен, я брел, влекомый к бедам, право,
И жизнь минула, словно сон, а разум мне неведом, право.

Там не цвели бутоны роз и благодатный сад не рос,
Жизнь протекла потоком слез, плутал я ложным следом, право.

О, если ты с охотой льнул к дурному суесловью мулл,
Ты алчной спеси не минул - был другом их беседам, право.

Притворна мудрость у святош, их путь с путем шайтана схож,
Присущи лесть, корысть и ложь мздоимцам-дармоедам, право.

Хоть, правду скажешь - не перечь, правдивая чужда им речь:
Спешат безверием наречь да и объявят бредом, право!

Машраб, сверкает твой совет, как драгоценный самоцвет, -

Слов не бросай себе во вред невеждам-привередам, право!

* * *

...Во мне любви к мирским делам нет и мельчайшей доли в сердце,
Два мира за тебя отдам я - сын невзгод, Машраб несчастный.

И пусть умру я за тебя, от страсти до костей сгорая, -
В могиле возрыдать, скорбя, тебе черед, Машраб несчастный.

Едва родился я - и вмиг любовь к тебе меня сразила, -
Любви пылающий тайник, звездой мелькнет Машраб несчастный.

Рок меня чашей не обнес - мне хмель любви не пить нет силы,
Я - неизбывной крови слез круговорот, Машраб несчастный.

Ханжа! Ценою тысяч мук готов стремиться я к любимой,
И пусть убьет меня мой друг - ему не лжет Машраб несчастный.

Повсюду люд меня стыдит, - изгнанник, я иду по градам,
Отвергнут и камнями бит, претерпит гнет Машраб несчастный.

И как покаран я судьбой и посрамлен, - никто не знает, -
Безгласной жертвой пред тобой, поверь, падет Машраб несчастный.

Пусть о любви твои уста Машрабу-горемыке скажут, -
Знай: ни молитвы, ни поста уж не блюдет Машраб несчастный.

* * *

Ты вымолвишь единый слог, что слаще всех услад, -
И весь я с головы до ног твоей быть жертвой рад.

Ты одинока день-деньской, как солнце и луна,
И - как ни ищут - за тобой вовек не уследят.

И лучшие из всех деревьев, тобой посрамлены,
Падут во прах, тебя узрев, - в стыде потупят взгляд.

Все, кто хотя бы иногда знал милость от тебя,
Перед тобой и в День суда, не вставши, пролежат.

Твой взор губительно-жесток, а речь – добра исток, -
Ты кто - Иса иль ветерок живительных прохлад?

Кто от тебя - из уст в уста - вкусил медвяный хмель,
Тот, и дожив до Дня суда, не будет крив-горбат.

Прошу: сними с чела покров, Машрабу лик открыв, -
До смерти он смотреть готов на твой цветущий сад.

* * *

О роза, все тебе отдам, рабом я рьяным стану,
И жертвой сладостным устам твоим медвяным стану.

Предстань мне с розовым челом, завесу приоткинув, -
Отдам все сердце - соловьем, от страсти пьяным стану.

А по хмельным твоим очам едва лишь затоскую -
Кричать удодам по ночам по всем полянам стану.

Ты лишь взглянула - я сожжен тобою, чаровница, -
Как жить я, всей душой смятен, с таким изъязном стану?

Едва лишь ты откроешь лик и на меня посмотришь,
Веселым я в единый миг назло всем ранам стану,

Машраб тревогою томим, - о, подари же взглядом, -
Рабом я преданным твоим очам-смутьянам стану!

* * *

Вовеки сердцу воли нет, отравленному страстью:
Распалось сердце в путях бед - истлело часть за частью.

В мечтах - твой образ предо мной, но мне не быть с тобою, -
Дано меня свести с тобой лишь высшему участию.

Услышь мой зов и помоги, сгорел я, чаровница, -
Злорадно тешатся враги моей лихой напастью.

Мне без тебя, мой милый друг, жить в этом мире трудно, -
О сердце, помоги - боль мук смягчи своею властью.

О, благосклонность мне яви, не жги огнем разлуки, -
Ужель предела нет в любви злосчастью и ненастью?

Восплачу о твоей красе в день светопреставленья -
И верный и неверный - все сгорят, Машраб, к несчастью!

* * *

Мой светлый дух - предвечный трон, а сам я - небосклон,
Весь мир моим огнем спален, а сам я – жар пламен...

Мне в этом мире, как ни бьюсь, приюта не найти,
Я смерчем без любимой выюсь - пришлец иных сторон.

Мечту о счастья тая, был роком я гоним,
В злосчастии рожден был я: удел мой - плач и стон.

Поверь мне: кто любви не знал, в том веры тоже нет,
Но я склонюсь пред тем, кто пал под тяжестью бремен.

Да будет внятна боль моя лишь претерпевшим боль,
А для невежд - загадка я, след Ноевых времен...

Знай: у людей понятия нет, откуда я пришел,
А спросят, кто я, - вот ответ: нет у меня имен.

Не ангел-небожитель, сам а - человеческий сын,
Сын Намангана я, и там на свет произведен.

Сегодня, детище стыда, ты пал во прах, Машраб,
Но всем влюбленным в День суда - и власть ты и закон!

* * *

Кипарис ты мой цветущий, о моя отрада, где ты?
Розоустый светоч кушей, украшенья сада, где ты?

Сколько дней уж я, несчастный, сердцем о тебе тоскую,
Прелесьть речи сладкогласной, уст моих услада, где ты?

Сколько дней в тоске безгранной, разлученный, я рыдаю, -
О покой души желанный, сердце жжет досада: где ты?

Нет тебя - и сердце хворо, и больному телу плохо, -
О любви моей опора, дух мой, светоч взгляда, где ты?

Истекли слезами очи, я томлюсь в пустыне горя,
Стоны мучат все жесточе, горе - горше яда, - где ты?

Ты, Машраб, сгорел от муки, жаждешь ты живящей влаги, -

О краса, с тобой в разлуке что еще мне надо, - где ты?

* * *

Ужели ты убить меня, ужели меня сжечь захочешь,
Ужели, муками казня, меня в беду вовлечь захочешь?

Ужели очи-палачи меня ресницами изрежут?
Ужель взметнешь слова-бичи - исторгнуть злую речь захочешь?

Ужели на землю с небес меня низринешь, опозорив,
Ужель, как птицу, под зарез отдашь меня – иссечь захочешь?

Ужели соколом взлетишь и птицу сердца растерзаешь
И, дробным боем руша тишь, меня в силки завлечь захочешь?

Я сам умру, - о, пожалей, не нужен жертве страсти саван, -
Ужели кровью ты моей окрасить острый меч захочешь?

Я, как Мансур, - у той черты, где пьют вино заветной клятвы, -
Ужели к виселице ты меня с позором влечь захочешь?

А если я мою любовь предаю и о другой помыслю,
Ужель на части, в клочья, в кровь ты плоть мою рассечь захочешь?

О, милосердье мне яви, взгляни, как я смятен любовью, -
Ужель ты тех, в ком нет любви, огнем своим возжечь захочешь?

Вот что на голову твою низверглось - сколько бед и бедствий, -
Машраб, ужель ты и в раю любовь свою сберечь захочешь!

* * *

Где есть всечасно гибнущий влюбленный -
Умерший раз и дважды воскрешенный?

Кто, как и я, томился по любимой,
Весь в даль дорог очами устремленный?

И кто, как я, готовый к лютой казни,
Ждал смерти с головой под нож склоненной?

Кто, острый нож в руках любимой видя,
Готов расстаться с жизнью, присмиренный?

И кто готов предать и честь и веру,
Как я, молвой безбожной посрамленный?

И в Судный день все толпища не я ли
Сомну и размечу душой смятенной?

Где есть другой, кто, день и ночь рыдая,
Джейхуном слезы льет, вконец сраженный?

* * *

Здесь, в чуждом граде, что ни миг - я весь горю, пылая,
Стезей заблудших горемык иду, невольник зла, я.

Где мать и где отец? Презрен, томлюсь я одиноко,
Скитальцем сплю у чуждых стен, - где честь моя былая?

О боже, чем я виноват, скиталец бесприютный?
Я изнемог в плену утрат, огнем сожжен дотла я.

Все сердце сжег мне злобный рок – пылают жаром клейма, -
Отвергнут всеми, одинок, - вот моя доля злая.

Я сердцем от мучений сник, другие - смотришь, рады,
Я в муке рву свой воротник, стенанья воссылая.

Вот что, Машраб, тебе к лицу - судьба рабов безгласных,
Но, словно перл, хвала творцу, отчищен добела я!

* * *

Я - степей любви скиталец, нет приюта мне и крова,
От рожденья я - страдалец, и судьба моя сурова.

Если в сердце - стон сокрытый, не сыскать уж друга сердцу:
Чаше, на куски разбитой, не бывать уж целой снова.

Всю монету боли страстной я тебе под ноги кинул, -
Сколько от тебя, прекрасной, претерпел я в жизни злого!

Мир, сей злыдень лицемерный, жизнь мою дотла разрушил, -
Пусть вовеки правоверный не познает зла такого!

Надо мной враги смеются, обо мне друзья рыдают, -
Мне с враждой не разминуться, от друзей не ждать мне зова.

Нет числа моим утратам, верности вовек не знал я,
Я от горя стал горбатым, и стезя моя тернова.

Зло - ночное ли, деньское - безысходно меня мучит,
Нет душе моей покоя, и беда моя бедова.

Раб моих напастей грозных, сир, в пустыне я рыдаю, -
От ручьев кроваво-слезных степь огнем горит багрово.

Все, кто шел стезею зрелой, с этим миром связь порвали, -
О Машраб, и ты так сделай, не безумствуя бредово!

* * *

Тьмою кос твоих томимый, я смятен душою ныне,
Не найдя пути к любимой, сломлен я судьбою ныне.

Мир был весел изначально - прежде люди веселились,
Жизнь моя стократ печальна, в мире все иное ныне.

Если б эта чаровница на влюбленного взглянула,
В рай смогла бы превратиться хижина изгоя ныне.

Ты ко псам ее, бедняга, о Машраб, теперь допущен, -
Боже правый, что за благо светит над тобою ныне!

* * *

Ни минуты нет покоя, лишь с бедой знаком Машраб,
Ты сияешь красотой - вьется мотыльком Машраб...

В этот мир закрыл я двери, мир грядущий близок мне, -
Что мне ангелы и пери! Стал им чужаком Машраб.

Любо мне теперь иное - с бедняками я дружу,
Днем и ночью пью вино я, лишь к вину влеком Машраб.

Удивится беспредельно каждый видящий меня:
От людей живет отдельно, от себя тайком Машраб!

Словно молния сквозная, бродит по свету хмельной,
О себе вестей не зная да и не о ком, Машраб!

Нет, не тайною сокрытой славен я, а простотой:

Весь нагой, босой, разбитый, бродит простаком Машраб.

На стезе нелицемерной ты, Машраб, обрел свой путь,
Истинному хмелю верный, суц ты не в мирском, Машраб!

* * *

От любви к тебе сгореть я, одержим тоской, мечтаю,
И своей окрасить кровью я весь мир-мирской мечтаю.

Если же хоть раз позарюсь на чужую красоту я,
Выколоть себе же очи я своей рукой мечтаю.

Если крови моей жаждешь ты, меча ресницы-стрелы,
Мотыльком лететь на светоч я, забыв покой, мечтаю.

Я в степях любви скитаюсь, дикой жаждой истомленный, -
Дай вина мне, виночерпий, пить я день-деньской мечтаю.

Пощади же, чаровница, и с чела сними завесу, -
Изнемогший, я упиться красотой такой мечтаю.

За тебя Машраб два мира позабудет, чаровница, -
Пожалей же, я увидеть лик твой колдовской мечтаю.

* * *

О твоей красе тоскуя, грустный, день и ночь я плачу,
Одержимый, в степь безумья вдаль бредущий прочь, я плачу.

Тайну, ранящую сердце, силы нет тебе поведать, -
Боли ран и муки горя мне не превозмочь, - я плачу.

О красавица, красою словно солнце и луна ты,
А уста и речь, что сахар, - до сластей охоч, я плачу.

Ты - весенний сад, раздолье кипарисам и тюльпанам, -
Соловьем в саду стеная, горько во всю мочь я плачу.

Я красу твою увидеть, о красавица, мечтаю,
У дверей твоих, не зная, как беде помочь, я плачу.

Из очей моих потоки слез кровавых горько льются, -
Образ твой едва лишь вспомню - мне совсем невмочь, я плачу.

* * *

В огне любви пылая, я, весь спален, рыдаю,
О чаровница злая, я от пламен рыдаю.

Моя мечта хмельная - хмель уст твоих багряных,
А я иду, стеная, в хмельной притон, рыдая!

Тьма кос твоих красивых меня томит безверьем, -
В притоне нечестивых я, посрамлен, рыдаю.

То соловьем зальюсь я, то горлицей томлюсь я,
В глуши совою злюсь я - глотая стон, рыдаю.

Меня лукавством юным ты, как Лейли, погубишь, -
В степи разлук с Меджнуном я, отрешен, рыдаю.

И мне ль брести скитальцем в глухие горы-долы, -
Ведь я и здесь страдальцем из тех сторон рыдаю.

Потопом расхлестнуться печаль мне повелела:
Джейхуном слезы льются - я, сокрушен, рыдаю.

Твоей красой прекрасной зажжен, весь мир пылает, -
Я - мотылек несчастный, Машраб, сожжен, рыдаю.

* * *

О, я к моей возлюбленной питаю страсть особую:
Нальет мне - хоть и сгубленный, а все ж вина попробую!

И рай не славословлю я с дворцами и чертогами:
Вот заведу торговлю я - продам его с утробую!

И вижу, горемыка я: весь мир - что тьма кромешная,
И в ней ты, серебристая, сверкаешь высшей пробую.

Всегда ханжой-святошею влюбленный порицается, -
Найду стрелу хорошую на злобу твердолюбую!

В жар преисподней прогнанный, Машраб рыдает горестно, -
Твоей любовью огненной расплавить ад попробую!

* * *

Едва игривый взор твой заблестит -
И тотчас заставаю я навзрыд.

О злая, твоя злость меня убьет,
Меня гнетешь ты тяжестью обид.

Неверная, ты сердце отняла,
И птицею оно к тебе летит.

Едва ты яркой розою мелькнешь -
Безумец, я твоей красотой убит.

Страдалец, от тоски сгорел Машраб,
Зимой и летом стон его томит.

* * *

С Меджнуном мы за годом год в пустынях, изнывая, шли -
Среди лишений и невзгод искали вместе мы Лейли.

О, смилуйся и, не гоня, внемли моей немой мольбе:
Кого еще, как и меня, мученья страсти извели!

И сотней жизнью наделен, все брошу пред тобой во прах:
Зачем мне Сулейманов трон? Я пред тобой влачусь в пыли.

Лукавой красотой пьяня страдальца, павшего во прах,
Увы, прошла мимо меня моя красавица вдали.

И старцы, в свитке прочитав о диве красоты твоей,
Безумно бросились стремглав - к тебе, согбенные, пошли.

И сердце в медленном огне сгорает от любви к тебе, -
О, как бы муки страсти мне совсем все сердце не сожгли!

Сто мук на голову мою обрушила в разлуке ты, -
Влюбленный, плача, я молю: "Приди, печали утоли!"

О, пощади, будь не строга, доверься мне и другом будь, -
Я - раб, смиренный твой слуга, все совершу - лишь повели!

"О ты, создатель всех людей", - взывает твой несчастный раб, -
"Страдальцу в просьбе порадей – молящего возвесели!"

Предвечный кравчий мне налил, и я пригубил хмель иной, -
Поверь: уже не стало сил хмелеть от блага сей земли.

"О, сжался, мой прекрасный друг!" – взывает горестно Машраб, -
Увы, страдания разлук мне тяжело на плечи легли!

* * *

Я о любви лишь молвлю слово - весь мир в единый миг сгорит,
Скажу, в чем тайн моих основа, - и враз любой тайник сгорят.

Когда в любви горят от пыла и проливают реки слез,
Влюбленных покидает сила - вся грудь у горемык сгорят.

Один, я с муками моими сгораю в пламени разлук, -
Едва твое я вспомню имя - от радости язык сгорит!

Как о тебе, меня томящей, мне, горемыке, рассказать?
Вся плоть моя - огонь палящий уж до костей проник - сгорит.

Когда я тщетно жду свиданья, жестокий крик терзает грудь, -
Я закричу - все мирозданье в ответ на этот крик сгорит.

Дано сгубить меня напастям, а ты - в печалях о другом,
Ты не придешь ко мне с участием - от стоны сердце вмиг сгорит.

Машраба памятью минуя, о нем и слова не скажи:
Едва лишь в Судный день вздохну я - сам райский сад-цветник сгорит.

* * *

Взглянуть на дивный, милый лик пришел я, одержимый,
И сто уловок хитрых вмиг увидел от любимой.

Сто жизней бы имел - сполна все ей принес бы в жертву, -
Самой бедой идет она, и взор - неотразимый.

О сумасброд, в любви хмельной, пади безгласной жертвой, -
Чернеют косы за спиной волною непрозрачной.

Я в суетной толпе мирской влачился в лютой жажде,
И кубок милою рукой мне дан был несравнимый.

Пасть жертвой будь, Машраб, готов за сахар уст-рубинов

И за жемчужный ряд зубов красы неизъяснимой.

* * *

Принарядилась, хороша, краса моя прекрасная, -
Знать, кровь мою пролить спеша, она оделась в красное!

Не знаю, с кем в лукавстве злом вином она потешилась,
А раскраснелась вся челом, как будто солнце ясное.

Нет, не волшебен, а жесток взор ее, томно-сладостный, -
Ее на горе создал бог себе рукою властною

Она зашпилит пряди кос красивыми заколками -
Блеснет красой волна волос, с ее красой согласная.

На прахе, о Машраб, твоим возрастут цветы багряные, -
То пламенным горит огнем твоя душа несчастная.

* * *

Испив багряного вина, она, челом красна, пришла,
Сверкая взором и грозна, игрива и хмельна, пришла.

И стрел ее удар был лют, и зло закушены уста,
И сердца моего сосуд она, разбив до дна, пришла.

И, распустивши пряди кос, она сверкала красотой,
Как будто, благовоньем роз овеяна, весна пришла.

С отточенным мечом в руках, с колчаном, полным острых стрел,
Она меня разбить во прах - жизнь мою взять сполна, пришла.

Бедняк Машраб в чаду своем стенает горестно навзрыд:
Она, чьим бедственным огнем мне пытка суждена, пришла.

* * *

Отшельник, не стыди меня, что лик мой, как ожог, горит, -
Так по ночам в пылу огня несчастный мотылек горит.

В твоих нарциссовых очах кровавая таится казнь,
А на рубиновых устах, как кровь, багряный сок горит.

Да, все отшельники подряд - и те в огне любви горят,
И каждый, кто огнем объят, хоть от огня далек, горит.

Машраб, и ночью ты и днем изнемогаешь от любви:
Кого разлука жжет огнем, тот, даже одинок, горит.

* * *

Лейли подобен облик твой - ты так красива, говорят,
А я - Меджнун, что за тобой бредет пугливо, говорят.

Я головы не подниму, стенаю у твоих дверей, -
Как ни стенаю - ни к чему вся страсть порыва, говорят.

Я у врачей искал удач: "Возможно ль исцеленье мук?"
"Не лечат, - отвечал мне врач, - такое диво, говорят!"

Скажи мне, где Меджнун, Лейли, ответь мне, где Фархад, Ширин?
Они прошли и отошли, - все в мире лживо, говорят.

Пыль со следов собак твоих Машраб прижал к своим очам, -
Прах этот - мазь для глаз людских, - все так правдиво говорят!

* * *

Что мне сетар, когда со мной беседу поведет танбур?
Распутает в душе больной мне все узлы тенет танбур.

Когда гнетет меня недуг от суесловия врагов,
В печалях самый лучший друг, мне слух струной проймет танбур.

Нет, пустодумы не поймут нетленной ценности его,
А мне дарует вечный суд - весть всеблагих высот танбур.

Когда, узрев любимый лик, я вновь томлюсь в плену разлук,
Игрою струн в единый миг всю грудь мне рассечет танбур.

Как и красы любимой вид, он душу радует мою,
Мне огненной струной звенит про образ дивный тот танбур.

Пронзает, жаром пламени, насквозь сердца влюбленных он:
Единой искрою огня все сердце мне прожжет танбур.

И так твой разум отняла, Машраб, жестокая твоя,
А тут еще всю грудь дотла сжигает в свой черед танбур!

* * *

Надела неземной наряд красотка розотелая -
И сник, смущением объят, печальный, оробело я.

Как кипарис - твой стройный стан, а лик твой солнцем светится,
Ты - кипарис мой и тюльпан, ты вся - жасминно-белая.

Не знаю, как пройти я смог: язвят ресницы стрелами,
Прошел - и с головы до ног изранился об стрелы я.

И сад Ирама - гулистан, поверь, совсем не нужен мне:
По всей груди - соцветья ран, словно тюльпаны зрелые.

Тебе, увы, меня не жаль, твой меч сечет мне голову,
Машраб, гнетет тебя печаль, тебе твой саван делая.

* * *

Ты, чья брови - как михраб, мне как божество дана,
Ты мне в сердце свет лила б - ты ведь солнце и луна.

Я к тебе - во прах у ног - как к святыне припаду,
След твой - всеблагодой порог мне в любые времена.

Память о тебе - мой друг, оба мира мне - враги:
Как пошлешь ты войско мук - мне прибежище она.

Если ж невзначай войдет в сердце дума о другой,
Да сгореть мне от невзгод, - знать, моя была вина!

Не бывать в душе моей мыслей ни о ком другом, -
Я - в силках твоих кудрей, мне опасность не страшна.

То не тучи в вышине, а стеною льется дождь, -
Небо плачет обо мне, и от стонов высь черна.

Конь ли твой, лишен чутья, вдруг запнулся на пути?
Нет, во прахе - плоть моя под копытом скакуна.

И кого ж винить-то мне, что сгораю я в огне?
По моей лихой вине мне и мука суждена.

Умертвишь ли, оживишь - воля милости твоей,

О мой властелин, услышь: верен раб тебе сполна.

Я пока что жив и цел, а умру - мне быть с тобой,
Рая горнего предел для меня - обитель сна.

О Машраб, во прахе ляг на заветный тот порог,
Другом быть ее собак - счастью твоему цена!

* * *

Был, увы, я сотворен для любви несчастной,
И неверной был прельщен девою прекрасной.

Гибну, жаждой изможден, я в глухой пустыне,
А тобою воплощен океан бесстрастный.

Жизнь отнимешь - я сражен, о услада сердца, -
Пасть готов я, сокрушен, жертвою безгласной.

Видно, гибнуть осужден я самой судьбою,
Я разлукой отрешен в дол тоски всечасной.

Я скажу, как я смущен, о владыка мира:
Я скитальцем быть рожден, ты – султан всевластный.

Я горю в пылу пламен, горестный влюбленный,
Днем и ночью только стон слышен мой ужасный.

Войско бед со всех сторон рушит меня силой,
Мучусь, жаждой изнурен, я в тоске напрасной.

Нрав твой щедро одарен злостью и лукавством, -
Мотыльком лечу, спален, на огонь опасный.

Как Меджнун мечусь, влюблен, - средства нет от боли,
Я с младых моих времен в муке ежечасной.

Одержим Машраб, смятен, - что, друзья, сказать вам?
Не стыдите его: он - раб судьбы злосчастной.

* * *

О моем безумстве слава всем понятней всякой были,
И теперь Меджнуна, право, в целом мире позабыли!

Так в любви не истомятся никогда Фархад с Меджнуном, -
Нет, вовеки не сравняться им со мной в любовном пыле!

Ты теперь других изрядно стрелами ресниц терзаешь, -
Я-то знаю, сколь нещадно стрелы душу мне язвили!

Что ни миг - то тяжело станет сердцу от камней печали,
И людская зависть ранит, - по сравнится с ней по силе!

Хмель любви Машрабу раной лег на страждущее тело, -
Как никто, от страсти пьяный среди всех людей не ты ли?

* * *

Лишь выйду - и на скакуне навстречу мне она спешит,
Бутон, расцветший по весне, она, красой красна, спешит.

Ресницы стрелами меча и грозным взором всех разя,
Она, как пламя горяча, челом озарена, спешит.

И уст ее хмельная сласть пьянит всех встречных, как вино, -
Она, в пылу разгорячась, как будто от вина, спешит.

Всю душу жаром пламени и страстной ревностью томя,
Восторгом опьянив меня, ко мне сама весна спешит.

Ей другом быть никто не смел: она равно со всеми зла,
И мне грозят ресницы стрел: ко мне она, грозна, спешит.

Стерпеть ли, как ни терпелив, разлуку долгих-долгих дней!
Она, лишь сердце мне пронзив и сил лишив сполна, спешит.

От бед моих и от невзгод ну как не умереть, друзья?
Она всю душу мне сожжет и - видеть пламенна спешит!

И грешников и всех святош она к себе приворожит,
И я для веры уж негож, когда ко мне она спешит.

Ни по ночам она, ни днем вовек меня не навестит,
А иногда - вот диво в чем - сама, как ночь темна, спешит.

Сжимает меч ее рука, в колчане - жала острых стрел, -
Ко мне она издалека, всю душу взяв до дна, спешит.

Как лепестки увядших роз, от горя пожелтел Машраб, -
Она с бедой ли - вот вопрос - или любви верна, спешит?

* * *

В саду красоты среди кущей ты блещешь красою стана,
И горлица сердца пуще стенает и стонет рьяно.

Глаза - как палач, суровы, ресницы твои - кинжалы,
Уста - как рубин, пунцовы, цветут, как бутон, румяно.

Ханжа, ты меня не сманишь, не знаешь ты муку сердца, -
Ты в душу едва заглянешь, все сердце - сплошная рана.

И если, тобой терзаем, я в рай без тебя попал бы,
То разве была б мне раем вся в море огня поляна!

И что мне весь мир в разлуке, дурманом меня томящей, -
Нет, лучше смертные муки, чем гибнуть в плену дурмана.

Машраб жил надеждой страстной, а видел в любви лишь муки,
И если умрет несчастный - как жаль, что он умер рано!

* * *

Не подует ветер сладко - розы цвет румян не будет,
Без любви в куропатка петь среди полян не будет.

Соловей в весенних куцах, не пленен прекрасной розой,
Не поет в кустах цветущих - он от страсти пьян не будет.

Лишь любовью опаленный пожелтеет ясным ликом, -
Не сожжен огнем, влюбленный рдеть от крови ран не будет.

Взором жгуче-животворным, лунным ликом не согретый,
Камень, прежде бывший черным, как рубин, багрян не будет.

Лик твой - словно светоч вешний среди тьмы кудрей душистых,
Без тебя мне мрак крошечный светом осиян не будет.

* * *

"Лунный лик без покрывала, - я молил, - яви во мраке", -
"А без туч, - она сказала, - перл любви слиян не будет". { * }

"Не тверди мне то и дело о страданиях разлуки, -

Не поправший дух и тело страстью обуян не будет".

Я сказал ей: "Мое горе до смерти меня сжигает, -
Как же исцелиться хвори, если лекарь ждан не будет?"

Ни к чему, Машраб, кручина, хоть ты и разорван в клочья:
Зерна битого рубина портить тот изъян не будет!

{* По поверьям, жемчуг зреет в раковинах от попадания в них капель дождя. }

* * *

Огня моих невзгод и мук ни друг, ни брат не стерпят,
А если застенаю вдруг - и супостат не стерпит.

Когда хоть тенью упадет моя печаль на небо,
Взгремит гроза - сам небосвод моих утрат не стерпит.

Когда суть тайн моих сполна поведаю я небу,
Клянусь - ни солнце, ни луна весь этот ад не стерпят.

Когда, не в силах мук стерпеть, влюбленные застонут,
Сам проповедник и мечеть дотла сгорят, не стерпят.

Поведать, в чем моя страда, какая гложет мука, -
Вселенная и в День суда такой разлад не стерпит.

А проповедь читать бы стал я пред людьми в мечети -
Сгорели б все - велик и мал, и стар и млад, - не стерпят.

Усладен слог в стихах твоих, Машраб, - ответ твой ладен, -
Сам Музаффар сей ладный стих, тоской объят, не стерпит.

* * *

Нет, солнца твоего чела никто лучей не стерпит,
И даже сама вера - зла твоих очей не стерпит.

Восславлю строем звучных слов твои уста-рубины -
И ни один диван стихов таких речей не стерпит.

А озорным лукавством глаз блеснет лишь чаровница,
Глупец и умный глянут раз - и взор ничей не стерпит.

А если в райский сад войдет она с такой красою,

То и светящий гладью вод родник-ручей не стерпит.

А жребий, что меня постиг, и в самой малой доле
Никто из всех земных владык и богачей не стерпит.

Падет лишь капля слез моих в глубины океана -
И лучший перл пучин морских ее лучей не стерпит...

* * *

Как много в сердце тайн и боли - все написать о том нельзя,
Сказ о любви и горькой доле поведать и стихом нельзя.

Где розы - там шипы и жала, где ремесло - там труд и пот, -
С любимой хочешь быть - сначала терпи, а напролом - нельзя!

Меня волнение смутило, едва лишь я узрел твой лик,
Но в небе ухватить светило, как руку ни взметнем, нельзя.

Во мне, смирению послушном, твои ресницы - жала стрел, -
Сказать о горе тем бездушным, кто с горем незнаком, нельзя.

Но ты заветного чертога, Машраб, достичь так и не смог:
Хоть сотню лет томись убого - увы, войти в тот дом нельзя!

* * *

Ты ангел или человек, иль гурия - понять нельзя,
Но милостей твоих и нег утратить благодать нельзя.

О, ты немилосердно зла, ты беспощадна, но, увы,
От блеска твоего чела мне сердце оторвать нельзя.

Узрел я солнце - образ твой, и, восхищенный, онемел,
Но с неба солнце взять рукой, увы, как сил ни трать, нельзя.

Твой лик - как роза в каплях рос, а я – как соловей шальной,
И соловья от рдяных роз, поверь, вовек прогнать нельзя.

Когда душа в любви хмельна, Машраб, не спи беспечным сном,
Но вот беда, друзья: от сна очнуться, как ни ладь, нельзя!

* * *

Кто пошел стезей любви, тому смирным быть, покорным - нестерпимо,
С четками поклоны бить ему в рвении притворном - нестерпимо.

Кто дождался благодатных встреч с дивною владычицею сердца,
Изнемог он, ему душу влечь к радостям зазорным - нестерпимо.

Кто по отрешенному пути ревностно идет вослед Адхаму,
Для того, блаженствуя, идти по дорогам торным - нестерпимо.

Если благовонный воздух нег обвеваает сломленного страстью,
Никнет он, ему влачить свой век в бытии тлетворном - нестерпимо.

О святоша, ты хоть раз вдвоем побыл бы с красою луноликой, -
Стало бы тебе тогда в твоём ханжестве затворном нестерпимо.

Знай: тому, кто ведал благодать страсти одержимого Меджнуна,
Порицаниям ему внимать, грубым и упорным, нестерпимо.

Для того, кто отрешенно пьет радостей любви хмельную чашу,
Не нужны ни слава, ни почет, страсть к чинам придворным - нестерпима.

Знай, о шах, тому, кто выбрал путь страсти, чуждой суетных стремлений,
К славе и высокой власти льнуть в рвении задорном - нестерпимо.

Жаждай сердцем доброй красоты, о Машраб, в стремленье непорочном:
Жаждущему сердцем чистоты - в этом мире черном нестерпимо.

* * *

О своей любви скажу - вовек слушающий муки той не стерпит,
И никто - ни зверь, ни человек, - в мире ни один живой не стерпит.

Если я про боль моих утрат прочитаю проповедь в мечети,
Вся мечеть и люди все сгорят: кто и с умной головой - не стерпит.

А зайду я в винный погребец и спрошу, рыдая, о любимой -
Все сгорят - и праведный мудрец, и невежда чумовой, - не стерпят.

Ежели среди нагорных гряд молнией блеснет Меджнун безумный,
Вспыхнув, запылают рай и ад - этой вспышки грозовой не стерпят.

О моей любви сложу я сказ - так и знайте, что случится чудо:
Сам святой коран смутится враз - моей муки горевой не стерпит.

Рвенья моего взъярится конь, оседлаю я его и гикну -
Он помчится, словно бы огонь, - мой безумный крик и вой не стерпит.

Ты про свой, Машраб, любовный гнет рассказал, и я клянусь аллахом:
Этого ни тело не снесет, и ни дух погибший твой не стерпит.

* * *

Как быть? Моей любимой я стал чужим, увы, -
Тоской неизъяснимой я одержим, увы.

И этот рок со мною - разлуки горький хмель:
Я с чашею хмельною нерасторжим, увы.

Я - у ее порога, но милостей лишен,
Один влачусь убого, бедой кружим, увы.

Тоскую о любимой, томлюсь я мотыльком -
Лечу, огнем палимый, неудержим, увы.

Меня позорит люто язык молвы людской,
Позор мой среди люда непостижим, увы.

Пристанища лишенный, в глуши я одинок -
Томлюсь совою сонной я, недвижим, увы.

Машраб, в притон запретный ты от святынь ушел, -
Тебе твой свет заветный недостижим, увы.

* * *

Меня сдружил с лихим позором мой грозный рок в конце концов.
И, в прах поверженный разором, я изнемог в конце концов,

Влачусь я в безысходном сраме, и не сносить мне головы, -
От всех, кого я звал друзьями, я стал далек в конце концов.

Не знаю я, моим мытарствам куда дано меня вести,
Лишь горе стало мне лекарством от всех тревог в конце концов.

И всех, кто строен был, едино судьба пригнула до земли:
Сгибала даже львов судьбина в бараний рог в конце концов.

В огне разлуки, в кольцах чада, я, как в курильнице, горю, -
Во всех кустах моего сада весь высох сок в конце концов.

Я с теми, чья душа негожа, согласие дружбы порывал,

Вступал на правый путь - и что же? Брел без дорог в конце концов.

Кому, какому добродеею сказать о горе? Друга нет.
Весь мир сгорит - не пожалею: какой в нем прок в конце концов?

И сердце все поникло долу, в нем - лишь печаль, куда ни глянь,
Но я же к горнему престолу взлететь не мог в конце концов!

С душой расстался дух мой слабый, усталой жизни рвется нить, -
Неверная прийти могла бы, ну хоть разок, в конце концов.

И раз ни после и ни вскоре с тобой влюбленному не быть,
К лечению горя само горе Машраб привлек в конце концов!

* * *

Молитву, ветер, и привет моей всевластной передай -
Той, что причина моих бед и муки страстной, передай.

Я неприкаян, одинок, но я сложил сам сладкий слог, -
О том, как гнет ее жесток, ты ей, прекрасной, передай.

Я, как луна, брожу везде, и нет подмоги мне нигде, -
Ты о моей лихой беде ей, ликом ясной, передай.

О том, что, сир в плену обид, всем миром я давно забыт,
Той, что томиться мне велит в ночи ненастной, передай.

Что, словно сыч, я день-деньской один с лихой своей тоской,
Ты ей, отнявшей мой покой и безучастной, передай.

Потоком бедствий бытия сокрушена вся жизнь моя, -
Когда умру - как умер я в тоске напрасной, передай.

К моей Лейли лети, спеши, мои страданья опиши -
Рассказ, как бедствует в глуши Меджнун несчастный, передай.

И - как, увы, она чужда и сердцем как она тверда,
Как властью надо мной горда, - ей, злой и властной, передай.

Скажи, как на весах невзгод весом ее жестокий гнет, -
Мольбу - мол, может быть, придет - ты ей, бесстрастной передай.

* * *

О ласковый мой ветерок, друг моих бедствий в тревог,
Ей зов того, кто изнемог в беде всечасной, передай.

Покинул я ради нее мое убогое жилье, -
Ты ей стенание мое - мой зов безгласный передай.

Она - мой луч, она - мой свет, она - очам моим рассвет, -
Ты ей, как мучусь я от бед в судьбе злосчастной, передай.

Зачем ей знать мою беду, мою безмерную страду?
Ты ей, что жертвой я паду, на все согласный, передай.

И знаю я: Машраб умрет, - так повелел мне небосвод, -
Ты это ей, чья речь - как мед, - ей, сладкогласной, передай.

* * *

Оставлю Наманган и дом, - кому есть дело до меня?
Умру я в городе чужом, - кому есть дело до меня?

Я в мире хмель любви обрел, кипел я страстью, как котел,
Я этот бранный мир прошел, - кому есть дело до меня?

Любовь горька и тяжела: она, послав мне бремя зла,
Меня безумцем нарекла, - кому есть дело до меня?

И оставаться здесь невмочь, и нету сил уйти мне прочь,
И пыл любви не превозмочь, - кому есть дело до меня?

Страдать ли здесь от жгучих ран, уйти ль обратно в Наманган,
Пойти ль к пределам дальних стран, - кому есть дело до меня?

Как горек этот дол, Машраб, не знают люди, как ты слаб,
Уйти отсюда, но куда б? - Кому есть дело до меня!

* * *

О, как меня томишь ты злом, - когда ж ему конец придет?
Мне ноги вяжешь ты узлом, и как распутать узел тот?

Едва я твой слышал зов, пошел скитальцем я бродить,
Я свыкся с лаем твоих псов, и кто ж от них меня спасет!

Весь мир в мученьях изнемог, томясь в сетях твоих кудрей,
Но как порвать хоть волосок весь мир опутавших тенет?

Морям любви не знать препон, и рек любви не заградить,
А ты - ты ставишь им заслон, и кто ж, скажи, его сметет!

Ну что ж, обрядом обойди вокруг Каабы всех сердец,
Но сердце хоть в одной груди разрушишь - рухнет горний свод!

Терпи безумие, смирясь, Машраб, ты истиной пленен,
А сокровенной тайны вязь узлы не прочно ли плетет?

* * *

При жизни ли влюбленный любимую узрит
Иль будет, изможденный, разлукою убит?

Сжигаем ли гореньем он будет одинок
Иль соловьем весенним он розу истомит?

Усталым, изнемогшим в разлуке я томлюсь, -
Моим очам поблекшим ты явишь ли свой вид?

Сказал я сердцу: "Встречи с любимой не жди!"
А сердце: "Что за речи! Кто ж нас разъединит!"

Мне, кравчий, сердце студит, налей, - да стану пьян, -
Иначе кем же будет мой кубок сей налит?

Любимая, на части мне душу рвет любовь, -
Придешь ли ты? От страсти стенаю я навзрыд.

Машраб, от века муки тебе даны судьбой, -
О, кто ж, друзья, в разлуке мне выжить пособит?

* * *

В губительном огне меня сожгла красавица,
Спалила сердце мне огнем дотла красавица.

Плоды в сени ветвей я в кущах сердца вырастил,
Я пел, как соловей, - мне не вняла красавица.

Ресницы-острия мне грудь язвили муками, -
О, как же месть твоя мне тяжела, красавица!

О, сколько есть вокруг скитальцев погибающих, -

Меджнуном в страны мук меня гнала красавица.

И брови-луки бьют, как птицу, сердце стрелами,
О, как же гнев твой лют и как ты зла, красавица!

И был уж я ведом к концу моему смертному,
Но вдруг в мой жалкий дом, смягчась, пришла красавица.

И я очнулся вмиг и встал, собравшись с силами,
И вдруг, открыв свой лик, речь повела красавица.

И все ж Машраб в огне обрел предел мучениям:
Велела гибнуть мне в юдоли зла красавица.

* * *

Твоею жертвою я стану, лишь приоткрой свой дивный лик,
Жизнь хочешь взять - приму я рану, срази мечом в единый миг.

Век Хызру дан был бесконечный водою чудо-родника,
Даруй мне благо жизни вечной - открой мне уст твоих родник.

Твой лик и стан душой смущенной припомню - в сердце хлынет кровь, -
Моею кровью орошенный, воспрянет стан твой - чаровник.

Два локона со станом юным - не образ ли твоей души?
В ней, "джимом" обрамлен и "нуном", "алиф" - твой стройный стан возник. {*

Два полумесяца впервые восходят враз на небесах:
Два новолуния живые - вот двух бровей твоих тайник.

Когда о счастье я толкую, мне говорят: "Испей вина!" -
О, как бы я воскрес, ликуя, когда б хмель уст твоих постиг!

Вино я вью, от мук усталый, изранен стрелами разлук, -
Машраба словом ты пожалуй - беднейшего из горемык!

{* Имеется в виду написание слова "жон" ("душа"), в котором первая ("джим") и третья ("нун") буквы расположены в сторонам второй ("алиф") буквы, вертикальная черта, которой обычно уподобляется стройному стану.}

* * *

Скиталец, я огнем разлук лечусь, - он жарче ада, право,
Но умереть, любя, от мук влюбленному - награда, право.

О, если бы твои уста хоть слово молвили страдальцу, -

Вот лишь о чем моя мечта, и рая мне не надо, право.

Как моя доля тяжела - душа уж к горлу подступили, -
Ты душу бы к себе взяла, она была бы рада, право.

От мук разлуки и обид, увы, я истекаю кровью,
И весь я кровью слез омыт, а в сердце - горечь яда, право.

Будь ты судьей в День суда, моя печаль - тебе свидетель:
Меня неволили беда и кар твоих засада, право.

Когда бы столь же горький дар достался праведным святошам,
Их опалил бы страшный жар и вмиг сожгла досада, право.

Ханжи-святоши с давних пор, молясь, смиренно четки нижут,
А их дела - стыд и позор, притворство - их отрада, право.

И что мне рай, что Вавилон! В слезах бреду я по вселенной,
Иду к любимой, изможден, но это мне - услада, право.

Весь мир спалила ты дотла, вселенную сжигаешь жаром, -
О, смилуйся! Мне, жертве зла, дожждаться хоть бы взгляда, право.

Машраб, ты хочешь, чист и благ, судилище мирское встретить, -
Перед жестокой - жертвой ляг, ведь ей чужда пощада, право.

* * *

Отдать красавиц всей вселенной за твой единый взгляд не жаль,
Презреть за взор твой несравненный всех мудрецов подряд не жаль.

Едва ты глянешь дерзновенно, завесу от лица отняв,
Мне мотыльком сгореть мгновенно, влетев в огонь и чад, не жаль.

Когда лукавишь ты со мною, давая мне фиал вина,
За то лукавство неземное мне чаши всех услад не жаль.

Когда ты даришь, словно кубок, мне хмель твоих рубинов-уст,
Отдать за перлы твоих зубок бесценный перл я рад, - не жаль.

О, если б ты ко мне могла бы прийти, блистая красотой, -
Я отдал бы саму Каабу, - мне никаких утрат не жаль.

Когда бы ты мне повелела всю жизнь мою тебе отдать,
Я пал бы пред тобою смело - мне жизнь отдать стократ не жаль.

И если ты ресницам-стрелам пронзить мне душу повелишь,
Я грудью их приму, всем телом, и пусть меня пронзят, - не жаль.

Когда выходишь ты в гордыне в наряде алом, - я - убит, -
Того, кто, как Меджнун в пустыне, от страсти бесноват, не жаль.

Ты обещала мне свершенье моей мечты тебя узреть, -
Даруй мне чашу единенья, уж раз тебе наград не жаль!

Когда бы хоть один твой локон Машрабу гребнем расчесать,
За локон твой все дать бы смог он - ему любых отрад не жаль.

МУСТАЗАДЫ

Тобой сожжен, моя луна, вконец тобою посрамлен,
Любовью одержим я стал.
Вся грудь любовью сожжена, но что тебе мой горький стон!
Как мотылек, палим я стал.

Едва лишь твой прекрасный лик луной передо мной возник,
Я изнемог в единый миг:
От кар соперников я сник и, божьей карою казнен,
Тебе совсем чужим я стал.

Я - раб печалей и обид, несчастный, плачу я навзрыд,
Ты мне - прибежище и щит:
О, сжался, горем я убит, я потерял покой и сон -
Надеждою томим я стал.

Влачусь в разлуке день и ночь, и мне от мук моих невмочь,
Я в степь скорбей отторгнут прочь,
Страданий мне не превозмочь: стенаю я, бедой сражен, -
Измучен, нелюдим я стал.

О, сколь, Машраб, ты одинок! Где друг твоих лихих тревог,
И кто б тебе в беде помог?
Разрушил сердце грозный рок - увы, никем не навещен,
Хмелен собой самим я стал!

* * *

Я встретился с той ладной, как кипарис, прекрасной, -
Лишь бровью повела.
С повадкою усладной ты зов послала страстный -
Пойдем, мол, и - ушла!

Ей - дерзкой, огнесловой, как самоцвет пунцовой,
Дарован взор бедовый,
И я, на все готовый, смятенным стал, несчастный, -
Мой ум сгорел дотла.

За локон ее черный, за нрав ее задорный
С хвалою непритворной
Сто жизней бы покорно я отдал бы безгласно, -
Она меня сожгла.

Блестя красою статной, она ушла обратно -
Грудь мне пронзив стократно,
Презрев тысячекратно, она повадкой властной
Жизнь у меня взяла.

Машраба волей рока сгубила ты жестоко, -
О, сколь ты грозноока!
Ты речь ведешь - далеко всем слышен ежечасно
Твой зов, что злее зла!

* * *

Мечтаю свидеться с тобой, об этом вся печаль моя
Уже немалый срок.
С тобою разлучен судьбой, томлюсь я, в сердце боль тая,
Душой я изнемог.

Взываю я: "О, где Лейли?" и страсть к тебе меня томит,
Но ты, увы, молчишь.
Печален сердцем я, - внемли, страна невзгод - мои края,
Зол без тебя мой рок.

То, как Меджнун, чей рок суров, я одинок среди пустынь,
Лишь лани - мне друзья.
То, как Лейли, среди лугов вкушаю радость бытия,
И сам я - что цветок.

То я с венцом над головой властителен, как грозный шах, -
Мне счастье - быть с тобой.
И, странно, голью горевой тогда всевластно правлю я
И славой я высок.

Когда стезю любви найдешь, молитва – благо и добро,
И в том сомнений нет.
Но я стыжу ханжей-святош, - поверь, они мне не друзья,

Мой путь от них далек.

* * *

Когда Лейли узрел я вдруг, всю жизнь мою я отдал ей, -
О благе я мечтал.
Язвят Меджнуна в доле мук лихих страданий остря, -
О, путь любви жесток!

Я говорю ей: "О, постой, хотя бы миг со мной побудь!"
Она в ответ: "Терпи,
Другие, - говорит, - со мной, от них и так мне нет житья.
Узнают - гнев их строг!"

Всегда един, а не двояк всей сокровенной правды знак,
Клянусь, велик аллах,
А вот с людьми я - так и сяк: к ним двуязычна речь моя, -
Вот скрытых тайн клубок!

Стремлюсь к тебе я, и невмочь Машрабу муки одолеть,
Он изнемог в борьбе.
Рыдаю я и день и ночь, от мук не зная забытья, -
Я кровью весь истек.

Ты властвуешь над миром, ты всех земель владыка,
Превыше всех ты властна.
Влюблен я сердцем сирым, как я смятен, - взгляни-ка,
Чело твое так ясно!

О, заступи стопою мой прах, помилуй, сжался,
Приди в мой дом убогий.
Во прахе пред тобою лежу я, горемыка, -
Краса твоя прекрасна.

В любви к тебе влачиться дано мне в муке смертной,
Ты - жизнь моя, весь мир мой.
Узреть бы, чаровница, мне свет твоего лица, -
В тебя влюблен я страстно.

Все таинства земные одна лишь ты постигла,
Ты властвуешь над всеми.
Лжецы - все остальные, притворство - их улика,
Их злая суть опасна.

Отверг я все земное, страдает одержимо
Машраб, скиталец горький.

Лишь мой танбур со мною, в нем боль моего крика,
А ночь разлук ненастна!

* * *

Увы, любовью страстной сжигает мне все тело
Твой локон непокорный.
Как соловей стогласный, я льну осиротело
К той розе животворной.

Моей беде безмерной, увы, не сострадала.
Та, что подобна розе.
Нет, не дано быть верной ей, лгущей столь умело
Обманщице притворной.

Как мотылек спаленный, в огне любви горел я
От безысходной муки.
А ею, непреклонной, охота жечь владела, -
О, что за нрав упорный!

Сожжен я страстью лютой к твоей красе чудесной,
Невмочь терпеть страданья.
Весь мир ты наполнишь смутой, но до других нет дела
Красе твоей задорной.

Мне душу мука гложет - как в мире жить мне сирю,
Томясь по лунолицей?
Открыться ей - быть может, меня бы пожалела, -
Я жертвой пал покорной.

Сколь тяжек путь Машраба: открыл он тайну сердца,
Измученный скитаньем.
Хоть раз ко мне пришла бы! Нет, видно, нет предела
Немилости той черной.

* * *

Ее увидел я опять - души моей беду,
Ее уста - бутон.
Ей любо сердце мое взять - пощады я не жду,
Увы, всего лишен.

Но если мне еще узреть жестокою дано, -
Поймите же, друзья:
Погибший, как о ней я впредь рассказ-то поведу!

Лик ее - свет пламен!

Я умираю, перестань разлукою терзать,
Помилуй, пощади.
Хоть раз на муки мои глянь, забудь ко мне вражду,
Жизнь моя - тяжкий сон.

Ты - шах, а я с бедой знаком: бессильный, чуть влачусь,
Мечтая о тебе.
Я бесприютным бедняком, от мук согбен, бреду,
Всегда смущен, смятен.

Любовь к тебе огнем невзгод все сердце мне сожгла, -
О боже, как мне быть?
Кто стоны мук моих сочтет, поймет мою страду -
Мой неизбывный стон?

* * *

Томясь от тьмы кудрей твоих, я помраченным стал,
И сил нет никаких.
Тяжелый гнет смятенья лих - кричу я, как в бреду,
В пустыню отрешен.

Я, сердце мукою губя, мечусь, не зная сна,
Я жизнь тебе вручил.
Помилуй: может, у тебя лекарство я найду,
О диво всех времен.

Безмерен моей муки жар, - о, исцели меня
Вином желанных встреч.
Спаси меня от этих кар - быть каждый миг в аду, -
Я весь окровавлен.

Печаль и боль тебе даны, о горестный Машраб, -
Стезя твоя грустна.
Скиталец чуждой стороны, я торжищем иду,
Отвержен испокон.

* * *

Она меня совсем сожгла своей лукавой красотой,
Прелестен стан ее - самшит.
Серебряной красой чела и статью, светом залитой,
Она всех райских дев затмит.

Ее уста - живой родник для всех соперников моих,
А вот что мне сулит она:
Сто жизней у меня за миг отнимет нрав ее крутой,
И я от мук кричу навзрыд.

И рать разлук со всех сторон тебе, душа, грозит враждой, -
В неведение не будь о том.
Как лук, согбен мой стан, а стон - пускай он, как стрела, взвитой,
Во вражескую рать летит.

И пусть в любой чертог уйдет, сокрывшись от моих очей,
Спеша покинуть сей предел:
Кто сказочно прекрасен, тот умчится горней высотой,
Как будто быстрым ветром взвит.

И ежели и чист и благ Машраба просветленный слог,
Тут удивленью места нет:
Дан богом его сердцу знак, и ты смирись пред тайной той,
Вовек не ведая обид.

* * *

Сладкогласна, прекрасна, красива,
Ты красивее всех людей.
Но ко мне ты жестока на диво,
Словно алчущий жертв злодей.

Помрачен я, терзается страстью
Сердце горестное мое.
Стрелы мук в меня мечет гневливо
Та, что всех суровой и злей.

Если ищешь ты верного друга,
Знай: таких, как я, не найти.
Кто еще, как я, терпеливо
Все сносил от любви твоей?

Я, смиренно согнувшись, склонился:
Словно свиток, твой лик - коран.
И видны мне меж строк два извива -
Оба лука твоих бровей.

Свет чела, тьма кудрей ее - братья, -
Так весь люд вселенский решил, -
Хиндустан и Хитай столь ревниво

Равно чтут их в любви своей.

Что ни миг, луки-брови пронзают
Грудь мою тучей стрел-ресниц,
Но меня не слабей их порыва
Создал зодчий - рок-чудодей.

* * *

То не молнии, не грохотанье
Обожженных грозой небес, -
Нет, то стон мой ударит в огниво -
В небе гром и всполох огней.

Много лет о свиданье мечтаю,
Я скитаюсь, убог и сир.
Я в разлуке стенаю тоскливо
И рыдаю я все сильней.

Мотыльком опаленным кружился
Я у жара твоей красы, -
Не открыла ты лик, и призыва
Не послала светом очей.

Полетай к ней, жестокой, о ветер,
Передай от меня поклон, -
Что все сердце мое - боль нарыва,
Весть снеси любимой моей.

"Как безумцем ты стал?" - меня спросят,
И тогда я скажу в ответ:
"Все - от той, что пленительна, льстива,
Чьи уста слаще всех сладостей!"

Разве странно, что, сломлен разлукой,
Жертвой лягу я, как Машраб?
Ведь за розу - и нет в этом дива -
Жизнь свою отдает соловей.

* * *

Увидел я красавицу, что красотой красна, -
Спешит, возбуждена.
Мне облик ее нравится, прекрасней всех она,
Изящна и стройна.

Лукавой, сребротелою предстала она мне -
Смущающей весь мир.
Что с бедствием я сделаю? Она меж всех - одна,
Весь мир взбурлен до дна.

О, как меня встревожило нежданною бедой -
Жестокою красой.
Взглянула - уничтожила, всю жизнь отняв сполна, -
Как хороша она!

О, как пред ней я выстою: стройна, красив наряд,
Весь в золоте убор.
Легла волной душистою кос черных пелена,
Она - сама луна!

Лицо - как роза рдяная, и сладко льется речь,
А бровь - что серп луны.
Уста ее - медвяные, а взор - хмельней вина,
И вся - озарена.

Едва я ту прекрасную - мою беду узрел,
Любовью истомлен,
Объят я мукой страстною - томлюсь, не зная сна, -
Сколь тяжки времена!

Я ей сказал: "Немеющих очей моих коснись!" -
И был мне злой ответ:
"А на тюльпанах рдеющих не кровь ли ран видна?
От терна боль сильна!"

Объято сердце мукою в силках ее кудрей -
Ее - самой беды.
Измучен я разлукою, печаль мне суждена, -
Лачуга бед темна!

В сердце, тобой разбитое, зарыл я клад любви,
Он глубоко сокрыт.
Ведь тайна, глубже скрытая, верней утаена
От взора болтуна.

"Пади во прах - помилую!" - сказала мне, смеясь, -
О горестный Машраб,
Спешి скорей быть с милою, пади пред ней - она
Пока еще верна.

* * *

Как о муках молвлю слово я -
Вникни думой сокровенною:
К моим стонам не суровая,
Пожалей, о несравненная!

О друзья, в тяжелой думе я:
Нет страдальца, мне подобного, -
Ей понять бы: от безумия,
Как Меджнун, в неволе пленной я.

Смерть тяжка, но как иначе я
Тягость страсти моей выплачу?
Так влюблен, что кровью плачу я, -
Соловей самозабвенный я.

От тебя, моей возлюбленной,
Все стерплю - как мне забыть тебя?
Не забыть: любовью сгубленный,
Суд терплю молвы презренной я.

Если бессловесной жертвою
Я сгорю - ну что ж поделаешь:
Сердце, душу тебе жертвую, -
То, Машраб, - судьба блаженная!

* * *

Лишь увижу ее, красивую,
Мучусь мукою я кровавой.
В дол разлуки бреду пугливо я, -
Ей привычен обман лукавый.

Горько плача, влачусь за нею я, -
Хоть бы раз мена пожалела!
Но жестокой моей и лживую
Я покаран злою расправой.

Днем и ночью горю в страданиях я,
Ты ж веселый утехам рада, -
Если будешь ты справедливою,
Что случится с твоею славой?

За тобой мотыльком летаю я,
А едва лишь тебя найду я -

Не обласкан тобой, счастливою,
Становлюсь я тебе забавой.

А на розы, красой цветущие,
Даже я и взглянуть не в силах:
Для неверных их глаз - пожива я, -
Точат меч на меня неправый!

Распростился, Машраб, ты с верою -
Той неверной ты душу продал,
Стал брахманом ты сутью льстивою,
Нечестивой сражен отравой!

МУРАББА

Стенаю я, грущу, как соловей,
Слагаю повесть о любви своей,
И сердце полнит радость все живей, -
Придет ли срок, друзья, мне быть с любимой?

Моих печалей торе бьет волной,
Рыдает от любви мой стон больной,
Любимая проходит стороной, -
Придет ли срок, друзья, мне быть с любимой?

Забрали меня в плен войска разлук, -
О, истерзай меня мечами мук!
Стенаю я, смертелен мой недуг, -
Придет ли срок, друзья, мне быть с любимой?

Огонь твоих измен сжигает грудь,
Пролег до сердца слез кровавых путь,
Машрабу-горемыке не уснуть, -
Придет ли срок, друзья, мне быть с любимой?

* * *

Томлюсь я, с любимой моей разлучен,
Горю я, горя, любовью сожжен.
Расплавит и камни мой огненный стон, -
О ветер, любимой привет передай.

В разлуке с любимой я стал одержим,
Безумец, я стал всему миру чужим.
Друг бедствий, я вихрем несчастий кружим, -

О ветер, любимой привет передай.

С тобой разлучен в моей горькой судьбе,
Слезами кровавыми плачу в мольбе,
Клянусь, я умру, истомясь по тебе, -
О ветер, любимой привет передай.

Грущу я от милой моей вдалеке,
Меч бедствий обрек меня гибнуть в тоске.
Душа унеслась, птица сердца - в силке, -
О ветер, любимой привет передай.

Моей чернобровой письмо я пишу,
Потоками слез я письмо орошу,
Каменьями бед я себя сокрушу, -
О ветер, любимой привет передай.

На камне я высеку муку мою,
Оставлю сей дол, реки слез изолью,
Предел ты кладешь моему бытию, -
О ветер, любимой привет передай.

О, где обрести мне мой светоч любви,
От мук и страданий все сердце в крови,
Молю, лунолика, свет мне яви, -
О ветер, любимой привет передай.

Лохмотьями стал мой убогий наряд,
Испил я до дна моих горестей яд,
Хмелен я от бед моей доли утрат, -
О ветер, любимой привет передай.

Любимую мне повидать бы хоть раз -
Красу неземную ее черных глаз,
И слов моих горечь - об этом рассказ, -
О ветер, любимой привет передай.

Брожу, неприкаянный, я день и ночь,
Бездомной собакою жить мне невмочь.
Не видеть ее мне - я, сир, бреду прочь, -
О ветер, любимой привет передай.

Любовью терзаясь, стенает Машраб,
Сжигаем страданьем, измучен и слаб,
Он - слез своих горьких отверженный раб, -
О ветер, любимой привет передай!

МУХАММАСЫ

Не сгорит никто от страсти, муки страстной не познав,
Мотыльком никто не вьется, светоч ясный не познав,
Храбрецом никто не станет, бой опасный не познав,
Осуждений и печалей тьмы ненастной не познав,
Не оценят и ракушек, перл прекрасный не познав!

Оба мира, чаровница, мне в разлуке не нужны,
Хоть всю власть и все богатства дай мне в руки, - не нужны.
Хызров век, живой родник мне - верь поруче - не нужны.
Без себя умру я, сжался, верь: мне муки не нужны,
Мне не жить, твоего гнева, кары властной не познав.

Я вздохну - и трон предвечный, словно в Судный день, сгорел,
Люди, ангелы взрыдают, сетуя на свой удел,
Стон мой искрою займется - и никто не будет цел,
Райский сад и сонмы гурий смертный обретут предел, -
Кто же властвует, пыланья ад ужасный не познав!

От любви к тебе дрожу я а слезами весь истек,
Что ж, готов терпеть я муки, если так судил мне рок!
Я стенаю и страдаю, путь влюбленного жесток,
Я в безмерной муке плачу, скорбно пав на твой порог, -
Плачу, милостей от гневной, безучастной не познав!

Если ты влюблен - ляг жертвой, день и ночь покорным будь,
Как разлука ни измучит - боль тая, упорным будь,
И уже не истой вере - верен косам черным будь,
И, стеная безустанно, в горе непритворном будь, -
Душам не соединиться, страсти властной не познав.

Пей вино весною, тешься, это ведь не вред - добро,
Дай вина мне, виночерпий, славный час бесед - добро.
О друзья, твердят святоши - четки, мол, обет - добро,
А Машрабу-горемыке бремя мук и бед - добро, -
Не увидишь лик любимый, рок злосчастный не познав!

* * *

Всю вселенную в бездну бедствий, в смуту вверх мой позор, увы,
Смыло девять небес потоком, словно рухнувшим с гор, увы.
Мне веселье с любимой было, ну а людям - разор, увы,
А теперь обхожу я, маясь, весь вселенский простор, увы, -
Как, бескрылый, взлечу я в небо, если сир я и хвор, увы!

Сладких куш и садов предвечных, сводов рая не надо мне,
Млеть, из сот и мирских и божьих мед собирая, не надо мне,
Никаких благодатей Рума и Хитая не надо мне,
Жить, в мечтах о престоле-троне зря витая, не надо мне, -
Средь морей и пустынь влачусь я, нищ и наг с давних пор, увы.

Сколько сломленных карой гнева, сокрушенных я повидал,
Сколько раненных горькой мукой, изнуренных я повидал,
Сколько светлых и звездооких, просветленных я повидал,
Сколько любящих, в дол смиренья отрешенных я повидал, -
Вихрь безумия всех рассеял - налетел, зол и скор, увы.

И теперь я хмельной главою в кабачке перед старцем лег,
Не нужны ни шейх, ни брахман мне, я от их наказов далек.
Как ни падал я, ни влачился, путь к тебе меня влек и влек,
И пока мне не быть с тобою, пусть тебя охранит сам бог, -
Луноликою мне скитаться наречен приговор, увы.

О Машраб, ты в приюте сердца с милым другом жаждешь бесед,
Но в твоём одиноком доме друга милого нет как нет.
Любо мучить тебя любимой, чтоб покинул ты этот свет,
Уничтожь свое "я", пока ты сердцем любящим не согрет, -
Тот не будет с любимым другом, кто в себе "я" не стер, увы!

* * *

Если я, горько плача ныне, изнемог - я того и стою,
Если ворот я рву в кручине, сир-убог, - я того и стою,
Если жалко влачусь в пустыне без дорог - я того и стою.
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок - я того и стою.

Нет, я в куцах мирского сада жить без мук не привык душою,
Что ни день, был в плену разлада и печально я сник душою,
Что такое радость, отрада, я не знал ни на миг душою.
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, - я того и стою.

Где друзья - разделить несчастья? Их, увы, сурово лишен я,
Даже друга, что, полн участия, молвит мне хоть слово, лишен я.
Словно сыч, я томлюсь в ненастье - бесприютен, крова лишен я.
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, - я того и стою.

И вся плоть моя от мучений, словно лай, стонет стоном, право,

И подкрался ветер осенний к моим кушам зеленым, право,
Песни мук моих все смиренней я пою кон за коном, право.
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, - я того и стою.

Попран людом, в тоске великой я влачусь по путям терновым,
Неприкаянным горемыкой я гоняюсь за добрым словом,
Задыхаюсь: я в жажде дикой - словно рыба, достигнут ловом!
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, - я того и стою.

Как вскричу я от мук безмерных – смуту Судного дня спалю я,
Всех - неверных и правоверных адским жаром огня спалю я,
Моим сердцем, погрязшим в сквернах, и весь рай, пламени, спалю я.
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, - я того и стою.

Как Джейхун - моих слез лавина, и возможно ли что иное?
Как Меджнун, я презрен безвинно, и возможно ли что иное?
Безотраднa моя судьбина, и возможно ли что иное?
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, - я того и стою.

Я к пределу бед - они очи уж почти ослепили - близок,
Ливень слез моих все жесточе - он к потопу по силе близок,
Сердце сломлено - нету мочи, я совсем уж к могиле близок.
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, - я того и стою.

Я, Машраб, сдавлен мук горою - жребий бед и тревог мне выпал,
Мучишь ты: лишь глаза открою - глядь, безжалостный рок мне выпал,
Рать скорбей набежит порою - гнет, суров и жесток, мне выпал.
Если слезы мои - как ливень, как поток - я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, - я того и стою.

* * *

К возлюбленной пошел бы на порог я
И все стерпеть, как ни гнела бы, смог я.
Все сердце сбил бы в кровавой клубок я,
Мою бы луноликую стерег я -
Узрел бы кос ее хоть завиток я.

Вплетен душою в узел ее кос я,
В пыль под ее стопами сердцем врос я.
Палящий отблеск полуночных гроз я,

Всю боль влюбленных душ в себе пронес я,
Все покорил - весь запад и восток я.

Когда властитель власть дарует странам,
О том везде вещают барабаном.
Где быть огню разлуки - там быть ранам,
Низвергся стон мой полыханьем рьяным, -
Гремя хвалу тебе, всю душу сжег я.

Где зелен луг - цветы там рдеют ало,
В крови все сердце, - где же блеск кинжала?
Любимая луною воссияла, -
Кумир мой, стрел твоих жестоки жала, -
Ресницами мел пыль с твоих дорог я.

Горою бед к земле прижато тело,
Друзьям скитаться где судьба велела?
Увы, и сам влачусь я омертвело, -
О, если б ты меня казнила - смело
Перед тобою кровью весь истек я.

Как яблоку сойтись с гранатом красным?
Бог лишь над сердцем сжалится несчастным.
Взгляни: Машраб в страдании всечасном,
Готов излиться он в признанье страстном, -
Бессильно пал ничком на твой порог я.

* * *

Пусть, ожиданием томим, любви, как я, не ждет никто,
И пусть, едва зазеленев, не сохнет от забот никто,
И пусть, как сирый соловей, уныло не поет никто.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

И кто бы о беде моей меня хоть иногда спросил,
Какой бы друг моих скорбей, как жизнь моя худа, спросил,
Хоть раз бы лекарь-чудодей, что в сердце за беда, спросил!
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

От мук разлуки и порух мой стан к земле склоненным стал,
От горя свет очей потух, и взор мой помраченным стал,
Провидит Судный день мой дух - с тобой я разлученным стал.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

И если я умру, ну что ж - я в мире счастья не нашел,
И в тех, кто на меня похож, увы, участия не нашел, -
Куда мне, ввергнутому в дрожь, в беде припасть, я не нашел.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

И друга моим мукам нет, чтоб боль излить ему, увы,
Пред кем мне повесть моих бед сложить, я не пойму, увы,
Ничьей я дружбой не согрет, не нужен никому, увы.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

Меня, забытого судьбой, забыли все - и друг и брат,
В любом питье, в еде любой - одна отравка, только яд,
Почтите же меня мольбой, нет сил терпеть, я смерти рад.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

И вот несчастным жертвам мук какой преподан мной урок:
Я сам же, силой своих рук, все беды на себя навлек,
И в злключениях разлук я беспредельно одинок.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

И вот я, баловень времен, теперь унижен и презрен,
И, кровью сердца обагрив, терплю я мук жестокий плен,
Нет друга - вот о чем мой стон, я – жертва тысячи измен.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

Промчался ветер-ураган и, разметав мой прах, заглох,
Но я мечтою обуян, что жив еще мой хладный вздох.
О, если был бы друг мне дан - сказать, как жалок я и плох!
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

О, не гоните же, молю: весь в ранах с головы до пят,
Я бремя тяжких смут терплю - бьет меня их жестокий град,
И безысходно я скорблю, я - кладезь бедствий и утрат.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,
Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто.

Машраб, ты в этот мир пришел - неси же груз его забот,
Неси тот груз, как ни тяжел, - всему на свете свой черед,
Проходят сроки бед и зол, терпи, борись - и все пройдет.
Пусть, бесприютен, как и я, не терпит боль и гнет никто,

Пусть сердце кровью не гнетет - кровавых слез не льет никто!

* * *

На дивный лик твой пал мой взгляд - рабом я поневоле стал,
Во тьме разлук, в плену утрат томиться я все боле стал,
Кудрей твоих арканом сжат, я пленником неволи стал,
И, страстью, как Мансур, объят, я жертвой смертной доли стал,
Мечом твоим сражен стократ, я изнывать от боли стал.

По свитку красоты твоей я повесть чар твоих постиг,
И точки я увидел в ней - душистых родинок тайник,
И войско бед любви моей сразило плоть и душу вмиг,
И палачи твоих очей вострят ресницы вместо пик, -
Твой стан красив, как райский сад, - рабом твоей я воли стал.

Увидел я твой лунный лик, и всей душою рад я был,
Я пред тобой во прах поник, и мукой слез объят я был,
И разум я утратил вмиг, и в плен безумьем взят я был,
Весь - как Узра или Вамык, Ширин или Фархад я был, -
Я преданным, как их собрат, невиданный дотолле стал.

И, проливая реки слез, в тоске отныне я рыдал,
И тайной муки я не снес - в лихой кручине я рыдал,
Вдали от уст, что краше роз, об их рубине я рыдал,
И, став Меджнуном, гол и бос, влачась в пустыне, я рыдал, -
От уст твоих, от их услад страдать я в диком доле стал.

От мук любви - мой горький стон, в тюльпанах ран горит вся грудь,
Я стрелами ресниц пронзен, и сердцу муки не минуть,
Никто из смертных всех времен тебе не равен, - о, ничуть,
Унижен я и сокрушен, - о, сжался, милостивой будь, -
Машраб тебя узреть был рад, но пленником недоли стал.

* * *

Меня Меджнуном одиноко она скитаться обрекла,
Скитальцем сделала жестоко и мне судила бремя зла,
Твердыню сердца сокрушила, жестокой мукой извела,
И сердце все, как саламандру, объяла огненная мгла,
Меня томишь ты ожиданьем - на посрамленье предала.

Мой бедный взор, ее не видя, весь блеск жемчужный растерял,
От огненных моих мучений стенают все - и стар, и мал,
Нет, видно, и не суждено мне узреть красу без покрывал, -

Прочтите сказ мне о страдальцах, кто, как и я, томясь, страдал, -
Жду ее, сир и одинок, я, и мука сердца тяжела.

Она ни разу не спросила: "Мой бедный, что с тобой?" - увы,
"За что из-за меня измучен ты пленною судьбой?" - увы,
"Зачем ты ранишь душу с сердцем тяжелою борьбой?" - увы,
"Зачем ты, сокрушенный горем, томишь себя мольбой?" - увы.
Стократ она меня презрела и мук наслала без числа.

Была бы верной - как о бедном, как о несчастном не спросить?
Как о заблудшем, сокрушенном томленьем страстным не спросить?
Как о спаленном мукой сердца рабе безгласном не спросить?
Как слезы льющего - о горе его ужасном не спросить?
Она ж с землей меня сравняла, во прах поправа и ушла!

О, если можешь, друг, неверной вовеки сердца не вручай,
Недружественной, лицемерной вовеки сердца не вручай,
Томящей мукою безмерной вовеки сердца не вручай,
Прекрасной, как луна, но скверной вовеки сердца не вручай!
Она сожгла все мое сердце красою дивного чела.

"Твое всевластие велико, ты - мой властитель", - я сказал,
"В державе сердца ты - владыка, ты - мой правитель", - я сказал,
"Узнала б, жив ли горемыка, о мой целитель", - я сказал,
"Яви в стране души свет лика, мой повелитель!" - я сказал, -
Я издали молил участия - она стенаньям не вняла.

Она мой взор затмила мраком - померкнул свет моих очей,
И с каждым часом жар пыланья горел в груди все горячей,
Меня гнела, врагов живила она словами злых речей,
Губить ей любо горемыку ударами своих бичей, -
Она мой дух сожгла до пепла: он - как в курильнице зола.

Она меня повергла в горе - все дни и ночи я рыдал,
"Где ж есть еще такой страдалец?" - что было мочи я рыдал,
"Где мне подобный горемыка?" - сжигая очи, я рыдал,
Молил я: "О, внемли, владыка!" и все жесточе я рыдал, -
Влечет в пучину, словно якорь, меня моих невзгод скала.

А думалось, мол, Искандером и властелином стану я,
Что, день и ночь вблизи любимой, чужд всем кручинам стану я,
Что, ею осенен с любовью, из всех единым стану я,
Что, знавший камни униженья, чудо-рубином стану я!
Но, даже не взглянув ни разу, она ко мне не снизошла.

Где знавший горе, кому горе я б мог, злосчастный, рассказать, -
О муках, о моей неверной и безучастной рассказать, -

Подняв главу с одра, о ней бы – моей прекрасной рассказать,
О том, как мучусь без любимой в тоске напрасной, рассказать?
Она мой пепел разметала, спалив всю плоть мою дотла.

И от друзей и от врагов я надежно боль души берег,
Но все о том, как дом печалей с престола бедствий я стерег,
Как я бежал и пал, смятенный, к моей неверной на порог,
Как я стenal в рыданных скорби, измучен, сир и одинок, -
Все тайны, что в себе таил я, она по свету разнесла!

Я на твоём пути рыдаю и жду вестей я день и ночь,
Ты - жемчуг мой, а я измучен, - никто не может мне помочь,
На раны сломленного сердца мне сыпать соль уже невмочь!
Машраб, хоть и сражен ты страстью, надеждой сердце ты упрочь:
Ты медью был, а стал ты золотом, - вот каковы твои дела!

* * *

Когда на путь любви вступил и стал безумием объят я,
Щитом поставил свою грудь для стрел напастей и утрат я,
Забыл сей мир тщеты и в путь, бездомный, вышел наугад я,
Сей, явный, мир познал я весь, и был его покинуть рад я,
И все оставил и ушел, на мир прощальный бросив взгляд, я.

Стенал я, сир, в ночах разлук, - где добрый друг, не отыскал я,
Кому б поведать боль души, увы, вокруг не отыскал я.
Твой меч язвил меня, а чем лечить недуг - не отыскал я,
Увы, покоя ни на миг от бед и мук не отыскал я, -
Скорбь о тебе - вот мой отец, твоему гнету - друг и брат я.

Любимая, твои уста медвяны свежестью усладной,
Во благо мне твой грозный взор, как стрелы бедствий, беспощадный.
Рум эфиопами сражен, - не это ли пример наглядный:
Давно уж тьмою кос пленен, влачусь я в доле безотрадной, -
Страну души моей круша, испепелил ее стократ я.

Уж так судил предвечный рок: те, что недугами томимы, -
Родня влюбленным, и вражды они не знают, побратимы.
Двенадцать месяцев в году - бывают весны в них и зимы,
И шах с дервишем - не одно, они вовек несовместимы, -
В посконной рвани, гол и бос, как нищий, брел у чуждых врат я.

Ночами другом мне была моя печаль, что так сурова,
Взор чаровницы - что ловец, пустивший соколов для лова,
А где печаль - там и беда: от века им дружить не ново.
О, если б, о тебе томясь, взлетало сердце волей зова!

Весь в перьях острых стрел твоих, стал с ними словно бы крылат я!

Лихих соперников сразить потоком стонов-стрел мечтал я,
Жар сердца потушить - любви тем положить предел мечтал я,
О том, чтоб у костра я лег и саван свой надел, мечтал я,
И насмерть сокрушить врагов, воинственен и смел, мечтал я,
Друзей искал я, но, увы, и с ними познавал разлад я.

Дружить с любимой моей мне дружбой тесною мечталось,
Жизнь ей отдать, быть заодно мне с ней, чудесною, мечталось,
Душой, как соколу, взлететь в края небесные мечталось.
"Хромой птенец - и тот взлетит", - мне думой лестною мечталось,
Я снова розой расцветал - взлетал, как будто юн и млад, я.

О, здравствуй вечно и живи, я ж умер, сокрушен тоскою.
Что этот мир небытия! Вовек мне в нем не знать покоя.
Разлука в дол души пришла - терпи, не вечно зло такое.
Но даже в бесскорбных жгло в любви пыланье колдовское!
Кровь жжет нутро мне, и готов принять душой смертельный яд я.

С тех пор, как в темноте ночной с любимой сопряглись мы словом,
И честь и вера - не со мной, а жертва - твоим хитрым ковам.
Что внятно лишь тебе одной, - сокрыто от меня покровом,
А ты, Машраб, хоть и больной, а все же не был бестолковым:
Тысячекратный смысл вложить был в этот стих короткий рад я!

* * *

Правoverные, что мне делать? Я с любимой моей разлучен,
С томноокою озорницей я уже много дней разлучен,
С вешним садом моим цветущим я, больной соловей, разлучен,
С лукобровой и грозноокой, я жестоко с ней разлучен,
С чаровницей я сладкоустой - что ни день - сильней разлучен.

С ее вешнею разлучен я красотою, - что делать мне?
Я - в когтях мук и бед, и сломлен маетою, - что делать мне?
Она - мой властелин, я ж - нищий: что я стою, что делать мне?
Полонен я разлук и бедствий тьмой густою, - что делать мне?
С чаровницей я сладкоустой - что ни день - сильней разлучен.

У волшебниц красы чудесной речи столь сладкогласной нет,
Нет улыбки такой прелестной, красоты столь прекрасной нет.
Знал ли кто уст родник столь дивный, взор такой же опасный? Нет!
День и ночь мне другого дела, кроме муки злосчастной, нет, -
С чаровницей я сладкоустой - что ни день - сильней разлучен.

И все розы мирского сада красотой ее смущены,
Она - перл, что в ночи сверкает дивным светом самой луны,
Шаловлива она, лукава, - все красотой ее пленены,
Море слез я пролил в разлуке, очи страстью истомлены, -
С чаровницей я сладкоустой - что ни день - сильней разлучен.

Улетел мой прекрасный сокол, своим жертвам раскинув сеть,
Где найти мне красу такую и куда мне за ней лететь!
Красоты такой же прекрасной твоим жертвам не ведать впредь.
Ты жестоко губишь Машраба, - чем же он виноват, ответь!
С чаровницей я сладкоустой - что ни день - сильней разлучен.

* * *

Друг мой, ты скажи ей: пусть она, чтобы взор мой был согрет, придет,
Пусть к рабу в лихие времена властелин, неся привет, придет,
Благовоньем кос напоена, пусть исполнит свой обет - придет.
Пусть в мою лачугу, как луна, как сиянья яркий свет, придет,
Пусть надежда будет мне дана, и заря за тьмой вослед придет!

Лукобров изгиб ее бровей, их прицел безжалостно жесток,
А пройдет - красив среди полей стан ее, самшитовый росток,
В мире нет красавицы стройней, - кто ж такое еще видеть мог!
Не понять мне в немощи моей, как такое чудо создал бог.
Ранами душа изъязвлена, - пусть она, леча их вред, придет.

Благотворна вешняя пора - радостным весь мир, цветущим стал,
Полните весельем вечера - полыхать цвет роз по кущам стал.
Под ногами - яркий цвет ковра, и в убранстве луг влекущем стал,
Зелень благовоньями остра - мускус их свой запах льющим стал, -
Ни с врагом, ни с другом не дружна, пусть она ко мне нет-нет придет!

И моей любимой про меня - умер, мол, твой друг - подайте весть,
Что погиб влюбленный от огня, умер от разлук, - подайте весть,
Что от стрел твоих день ото дня он во власти мук, - подайте весть,
Что он, в смертной горести стена, терпит свой недуг, - подайте весть,
Если радость мне не суждена, пусть она хоть в пору бед придет!

Помраченной в горе головой, где заря, где ночь, я не пойму,
Мертвый я уже или живой - думать мне невмочь, - я не пойму,
Как прожить мне век мой горевой, муки превозмочь, я не пойму,
Как Меджнуном путь пройти мне свой - где брести мне прочь, я не пойму, -
В мое сердце, где лишь тьма одна, светом солнца пусть рассвет придет.

Я твердил ей: "Верная моя", а она мне не верна, увы,
Ею навсегда отвергнут я, - невдомек мне, в чем вина, увы,

С теми, кто губил меня, гноя, дружит всей душой она, увы,
У меня ж от горького житья вся спина искривлена, увы, -
Глянуть, как судьба моя черна, пусть она – мой сердцевед - придет.

От нее, что, словно свет очей, мне красой мила, я отрешен,
От нее, что в дол души моей, как покой, пришла, я отрешен,
От нее, что мне красой своей - словно сень, светла, я отрешен,
От нее, что мучит все сильнее, грудь мне жжет дотла, я отрешен, -
Только ею чаша глаз полна, - пусть она, мой самоцвет, придет.

Кто ее не знает - говорят: "Ты себе другую отыщи,
Сердце не вверяй ей, в ней - лишь яд, - добрую, не злую отыщи,
Не найдешь - тогда ступай назад и страну иную отыщи,
Ту, с которой в сердце - тишь и лад, - ты себе такую отыщи!"
"Пусть уж ослепит меня она, только пусть, - я дал ответ, - придет!"

Я в тот день, когда ей дал обет, честен был, всю душу в речь вложив,
Пусть она изменит мне, но нет - я не изменю, покуда жив.
В чуждый дол и за другой вослед не сманит меня ничей зазыв,
Судным днем пока не вспыхнет свет, верен слову, буду я правдив, -
Пусть казнит меня - моя вина, - хоть повадкой приверед придет.

Вот обет мой, и покуда я не паду, согбен, - не отступлю,
И пока не даст мне забытья замогильный плен, - не отступлю,
И пока из мира бытия не паду я в тлен, - не отступлю,
И пока цела глава моя от камней измен, - не отступлю, -
Небо глыбой - девять сфер сполна - пусть само на мой хребет придет.

Как же я, и сир я одинок, отыщу заветный тот порог, -
Разве я тому, кто зол-жесток, тайну сердца рассказать бы смог!
Локона ухватишь завиток, а руки не сжать, - какой в том прок!
Нет, тому, кто от любви далек, не внушить, где правый путь пролег,
Пусть она, хотя и неверна, но ко мне проложит след - придет.

Искандеру был подобен я, а теперь я сокрушен, увы,
Сердце, словно скопище гнилья, мухи жрут со всех сторон, увы.
Тяжко будет честному, друзья, если он зайдет в притон, увы,
Как была могуча власть моя, а теперь я полонен, увы, -
Пусть же будет ноша не трудна - исцелитель моих бед придет.

Гнет любимой, сплетни злых людей, - вся душа от них - сплошной ожог,
Если бы из рая чудодей гурией ко мне сойти бы смог, -
Встретив его в хижине моей, пал бы я к земле у его ног,
Я светильник из своих очей сделал бы и перед ним зажег, -
Об Исе я думаю без сна - от него мне жизни свет придет.

Но, увы, сей мир тех, кто красив, превратить в неверных норовит,

Всех, хоть долей горя оделив, потопить он в сквернах норовит,
Всех он умертвить, кто еще жив, в бедствиях безмерных норовит,
Он сравнять с землею, придавив, всех нелицемерных норовят,
Но, хоть голова и сожжена, а пора желанных лет придет!

* * *

О, доколе я, бедняк, буду гибнуть от невзгод?
Ты чужда, и в сердце мрак, за бедой беда идет,
С горем рок меня сопряг, и печалей тяжек гнет, -
Это рока вещей знак иль небес круговорот?
Я умру, и чадный стяг вздох мой надо мной взметнет.

За тобою по следам, страстью сломлен, я бреду,
За тебя я жизнь отдам, - глянь же на мою страду,
Страсть к тебе - мой стыд и срам, - где же я покой найду?
Горький путь Меджнуна прям - среди пустынь терпеть беду, -
За тебя и к смерти шаг - для влюбленного не в счет.

Рок, увы, нас не сведет, я душою изможден,
В страшной жажде высох рот, день и ночь я истомлен,
Вот уже не первый год я от мук утратил сон, -
Неужели не дойдет до тебя мой плач и стон?
Я молю, чтоб не иссяк добрый дар твоих щедрот.

Разве без забот и бед достигают счастья встреч?
Не родится жемчуг, нет, если дождь не будет течь.
Нужен мотылькам не свет, а огонь палящих свеч.
Звучный сказ не будет спет, если вяло льется речь, -
Яд разлук - мой злейший враг, а свидания - что мед.

Страстью я к тебе объят, за тобой в тоске бреду,
За тобой следит мой взгляд - глядя в даль, я вдаль иду.
Я смятен, в душе - разлад, бормочу я, как в бреду,
Кривизну души крушат лишь мечом любви, - я жду!
Все, что живо, - как-никак рок в небытие сведет!

* * *

Райским ликом расцвела ты - как весна, ты воссияла.
Ах, с тобою - супостаты, мне же от тебя - опала.
Стрелы кар твоих крылаты - сердце кровью рдеет ало.
Сколько мук мне принесла ты, томноокая, - немало.
Рвался я к тебе, но зла ты: встретил я шипы и жала.

Нету сил терпеть укоры, по свету бродить пойду я,
Обойду все доли-горы, выплачу мою страду я.
Весь сгорел я, силы хворы, в бездну горя упаду я,
Нет терпению опоры, - как снесу твою вражду я?
Бедствий вдоволь мне дала ты - не одно, а доотвала.

День и ночь в мечтах и в речи, ты одна – моя отрада,
А тебе любезны встречи с чуждыми, ты – их услада.
Смерть моя уж недалече, ты живи, мне жить не надо,
Кончен век мой человечий, ты моей кончине рада, -
Где стоят твои палаты - виселиц сто тысяч встало!

Жемчуг ты таишь прекрасный - держишь ты его сокрыто,
Ты - не человек, мне ясно, род твой - ангельская свита.
Я тобой отторгнут властно, и любовь тобой забыта,
И не глянешь ты, бесстрастна, ждешь других, ты - им защита,
Меня горем угнела ты, а кого себе избрала?

Пожалей же, так негоже, сердцу раны нанесла ты,
Словно роза, ты пригожа, я пленен тобой, но зла ты,
Если я умру - ну что же, не терпеть тебе расплаты.
Жив я, рухну ли на ложе - так ко мне и не пришла ты, -
Муки смертью мне чреваты, ты дружна с другими стала.

На прогулки ты ходила, брови луками взводила,
Камни мечешь ты - уныло, словно пес, бреду я хило,
Тьмой меня ты окружила, а другим ты - как светило,
Все во мне тебе не мило, льнешь к другим всей страстью пыла, -
С чуждыми стократ мила ты, - что ж меня не чтишь нимало?

Средь веселых пиршеств страсти рдяный хмель ты льешь потоком,
Мне ты шлешь одни напасти, - о, за что презрен я роком?
Не у жизни я во власти, а в могильном рве глубоком, -
Разруби меня на части, не помилуй ненароком, -
От тебя мне - лишь утраты, а врагов ты привечала!

Долго вил себе тенета в косах я твоих покорно,
А счастливой неохота рассыпать привадой зерна,
О других твоя забота, а моя судьба позорна.
Мне, Машраб, не любо что-то зло терпеть, да и зазорно, -
Что ж меня в изъян ввела ты и дружна была сначала!

* * *

Обещала - ждал ее без сна, радость сна былая не пришла,
Высмотрел все очи я сполна - озорница злая не пришла.

Здесь ее любимцы все - она, красотой пылая, не пришла,
Смерть пришла - и в эти времена, смерти мне желая, не пришла.
Мне за жажду страсти вот цена: весь сгорел дотла я - не пришла.

Жду я справедливости - нейдет та, что Судный день собой затмит,
Умер я от горя и невзгод - ей ли ведать боль моих обид!
Всем она верна наперечет, лишь меня неверностью томит,
И ничто ее не привлечет, хоть стенаю я, крича навзрыд, -
Теплым словом всех бодрит она, - ждал к себе тепла я - не пришла.

На чужбине, с чуждыми людьми горестно я дни мои влачу,
Душу хочешь взять мою - возьми, робко покорюсь я палачу.
От лица завесу отними - лунный лик твой видеть я хочу.
Виночерпий, боль мою пойми - дай вина, я хвори излечу, -
Та, что краше вешних роз красна, краше гурий рая, не пришла.

В страшной жажде умер я от бед, - о моя прекрасная, ты где?
Плачу я, участием не согрет, - солнце мое ясное, ты где?
Зря ищу я твой бесследный след с мукою всечасною, - ты где?
"Тайна, беззаветный мой завет, - призываю страстно я, - ты где?"
Страстью вся душа оплетена, - ждал, терпел, сгорая, - не пришла.

И не зря рыдал я от тревог: та, что краше всех красна, нейдет,
Милости дожидаться я не смог - радости моей весна нейдет,
Муки двух миров я превозмог, но напрасно все: она нейдет.
Сгорбился я станом, стал убог, но она все неверна - нейдет, -
Та, которой сладость слов дана, хоть и ждал добра я, не пришла.

О друзья, огонь в душе моей от ее несправедливых слов,
И во мне игра ее очей веру сокрушила до основ,
Истомился в клетке соловей - ворон заклевать его готов,
Видно, ложь была любезна ей - не пришла на мой предсмертный зов, -
Ту, чья суть волшебных чар полна, ждал я, умирая, - не пришла.

Плача, я пришел к ней на порог, а она на помощь не пришла,
Не спросила: "Бедный мой дружок, как, мол, твоя доля - тяжела?"
А была пора - недолгий срок, когда знал я доброту тепла,
А потом - вот горький мне урок - что ни миг, была строга и зла.
Камню она твердостью равна: муча, мной играя, не пришла.

Вот пришла, красуясь и дразня, чтобы меня, горестного, сжечь,
Силы тают день и ото дня - видно, мне дано костью полечь.
Сеть она плетет вокруг меня - норовит в силок кудрей завлечь,
Горемыку бедного кляня, точит она гибельный свой меч.
Зла она была и неверна: зло меня карая, не пришла.

Если я не буду пощажен, мне моя лачуга бед на что?

Сущий с Ибрагимовых времен мне весь этот дряхлый свет на что?
Рай, что весь красою озарен и теплом ручьев согрет, на что?
Семь небес - весь горний небосклон, выси звезд и ход планет - на что?
Слова не сказав, ждал допоздна, ждал и до утра я - не пришла.

Все себя отчаяньем сожгут, дымный стон мой в День суда узрев,
Удивится весь вселенский люд - сколько от меня вреда, узрев,
Своды мира черными падут, сколь тяжка моя беда, узрев,
Вынесла б она не грозный суд, сколь моя душа худа, узрев.
Смерть мне от разлуки суждена: ждал все вечера я - не пришла.

Все во мне пылает, - остуди, утешенье моих бед, приди,
Все, что хочешь, сделай - не щади, сердце ты мое, мой свет, приди!
За тобой все шахи позади ходят робко след во след, - приди.
Жарко кровь бурлит в моей груди, - ты ко мне, мой самоцвет, приди,
Как зеркало, ты, мой дух до дна в глубь очей вбирая, не пришла.

Ты сказал Машрабу, о аскет: "Приходи-ка поскорей в мечеть!"
"Сядь в михрабе, - дал ты мне совет, - духом будешь праведен ты впредь!"
Но его словам не внял я, нет, и решил смолчать и потерпеть.
Что это за диво! Долю бед утвердить в мечети и не меть! -
Как аскет, молясь, не знал я сна, молча в даль взирая, - не пришла!

* * *

О краса моя, ты - роза или рдеешь от вина?
Лик твой молнией сверкает или ты - сама луна?
Отвечай же, чет ты больше - жизнью иль красой красна?
Не владычица ль души ты - той, что болью сражена?
Не в мою ль ты душу, пери, как в сосуд, заключена?

Трепетно идешь, красуясь, и глаза твои хмельны,
Стрелы мечешь, твои щеки жаром роз озарены,
Почему ты так красива - из какой ты стороны?
Роза ты, рейхан иль жемчуг, взятый с донной глубины?
Яхонт, перл или рубин ты, что красою столь ясна?

Светел лик твой благовонный, а уста - как будто мед,
Миндалю подобны очи, а фисташке - нежный рот,
На сверкающих ланитах россыпь родинок цветет,
Перед взором блещут сонмы восхитительных красот, -
Соловей ты или роза, или ты - сама весна?

Блеск ланит твоих - он розой иль жасмином осиян,
Твои родинки - не зерна ль, не из них ли рос рейхан?
Сребротела, сладкоуста, нежен твой прекрасный стан, -

Человечий иль волшебный образ тебе роком дан,
Гурия ли ты, иль райским светом ты озарена?

Роза - лик, нарциссы - очи, словно лепестки - уста,
Гибну я, едва увижу, сколь краса твоя чиста.
Стан твой - древо рая, лик твой – райских яблоч красота,
С ликом родинки и кудри столь едины неспроста, -
Шахом чтит тебя Египет иль Индийская страна?

Как рубин, уста багряны, свет чела - как оком,
С лунным ликом так согласны звезды родинок на нем!
Чернота их - словно угли, - сердце сожжено огнем,
Что ж твой взор так жжет жестоко, словно солнце знойным днем, -
Ты мертвящей иль живящей силою одарена?

Роза без шипов, едва лишь ты пройдеши среди полян,
Всех пленяют лик румяный и самшиту равный стан,
Косы - словно гиацинты, над тобой венец багрян,
На груди цветут две розы, лепестков их отблеск рдян, -
Не трепещущая ль ветка ты, что станом столь стройна?

Завитками выются кудри - красоты твоей зачин,
Чинно или беспричинно рать сюда направил Чин?
Ты пройдеши - стан трепещет, словно зыбь морских пучин.
Жизнь и душу, честь и веру отдал я не без причин, -
О бутон мой, надо мною не тебе ли власть дана?

Твое слово - словно сахар, рот твой сладостно медвян,
Драгоценный и бесценный сахарный тростник - твой стан.
Ты послушай, что спою я, весь горя от боли ран,
Соловьем пою я, роза, мой предвечный гулистан, -
Обожгли Машраба, роза, не твои ли пламена?

* * *

Злобный рок! Лишь муки и тревоги слал мне небосклон из-за тебя,
Сирий, нищий, обивал пороги я со всех сторон из-за тебя,
День и ночь на скорбной я дороге – радостей лишен из-за тебя.
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги - горестный мой стон - из-за тебя.

Я от той, что мне дороже ока, - от моей любимой отлучен,
От моей опоры волей рока я, судьбой гонимый, отлучен.
От моей желанной я жестоко, как душа хранимой, отлучен.
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги - горестный мой стон - из-за тебя.

В куцах я - как соловей бездомный, и гнезда родного я лишен,
Словно сыч, в печали неумемной бесприютен, крова я лишен.
Где приют мне, где мой кров укромный? Друга дорогого я лишен.
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги - горестный мой стон - из-за тебя.

Пусть же будет из людей живущих не лишен сердечных сил никто,
Да не будет страждущих и ждущих, да не тратит зря свой пыл никто,
Да не будет во вселенских куцах людям чужд и опостыл никто!
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги - горестный мой стон - из-за тебя.

Неужели же меня, о боже, ты с моим светилом не сведешь?
Неужель с моей звездой пригожей быть счастливым - это вздор и ложь?
Научи меня, господь, построже, чтобы путь Машраба был пригож.
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги - горестный мой стон - из-за тебя!

* * *

У лишенных родни и крова о напастях судьбы спросите,
У согбенных от зла лихого о напастях судьбы спросите,
Кто сто бед стерпел - у такого о напастях судьбы спросите,
У того, чья доля сурова, о напастях судьбы спросите,
У меня, чья стезя тернова, о напастях судьбы спросите.

Я бреду, одиноко маясь, - тех, кто мне бы помог, лишен я,
Без наставника я скитаюсь - и путей и дорог лишен я,
Черной долей моей терзаясь, всех друзей, одинок, лишен я,
Соловей я, а роз чураюсь - крыльев-перьев, убог, лишен я, -
У меня, чья участь бедова, о напастях судьбы спросите.

С той поры, как на свет рожден я, ничего, кроме бед, не знал я,
В этом мире всего лишен я, добрых дней с малых лет не знал я,
Потонул в топи злых времен я, - радость есть или нет, - не знал я,
Злобой горя насмерть сражен я, а добра и примет не знал я, -
Бедняка, от невзгод больного, о напастях судьбы спросите.

Так и жил я, не зная счастья и не ведая, в чем отрада,
За напастью сносил напасть я, и горел я в огне разлада,
Не дождетя бедняк участия - нет, увы, кому это надо?
Ведал муки кровавой власть я, даже пища мне горше яда, -
У сгоревших от рока злого о напастях судьбы спросите.

Только те, кто, как я, несчастны, о моей злой неволе знают,

Только те, что в беде безгласны, о моей горькой доле знают,
Только те, что мукам подвластны, о моей страшной боли знают, -
Это только добрый, прекрасный, знавший гнет злой недоли, знает.
У заблудших и ждущих зова о напастях судьбы спросите.

И как будто бы Феникс-птица из сплошного огня выходит,
Стон мой жаркий в устах дымится и огнем из меня выходит.
Лишь начну я в стенаньях биться - смута Судного дня выходит:
Все страдальцы - не счесть их лица - в состраданье стенья, выходят,
У горящих огнем пунцово о напастях судьбы спросите.

Было время ко мне суровым: что такое покой, не знал я,
Не обласканный добрым словом, доброты никакой не знал я,
Даже счета ранам багровым, насмерть сломлен тоской, не знал я,
И к кому бы припасть мне с зовом в суматохе людской, не знал я, -
Тех, чьи раны горят багрово, о напастях судьбы спросите.

От печалей совсем продрог я, и в груди моей - ни кровинки,
Слабым телом во прах полег я, от костей - лишь одни пылинки,
Словно тлен - с головы до ног я, - заматают мой след снежинки,
Плоть огнем моих бедствий сжег я, стал слабее малой былинки, -
Тех, кому тлеть от мук не ново, о напастях судьбы спросите.

О Машраб, вся темна округа - поглотила меня пучина,
Трудный путь мой закручен туго - в этом бедствий моих причина,
Что ни миг, я в плену испуга, что ни час - сердце жжет кручина,
Как ни кличу доброго друга - даже нет о нем и помина, -
У незнавших доброго слова о напастях судьбы спросите.

МУСАДДАС

Томно приоткрыв свой лик, взором повела не ты ли?
Жаром страсти в тот же миг жизнь мою зажгла не ты ли?
В кудри - в темный их тайник скрыла свет чела не ты ли?
Чтоб был верен, жала пик в очи мне впила не ты ли?
Ливень стрел меня настиг - мечешь стрелы зла не ты ли?
Раньше прочих горемык смерть мне принесла не ты ли?

Пряди твоих черных кос дышат благовоньем пряным,
Соловьи - в плену у роз: льнут к устам твоим румяным,
Чаша уст, что чище рос, - хмель соперникам-смутьянам,
Соловей твой перлы слез льет, увы, ручьем багряным,
Раб твой кар твоих не снес - нет покоя его ранам, -
Спутан роком, я поник, - вязь того узла - не ты ли?

Радость мне была дана - пил я хмель с тобой, бывало,

Хмелем страсти и вина тебе очи охмеляло,
Цвел твой лик в те времена от вина, что светит ало,
И с надеждой дотемна мотыльком душа порхала.
Градом бедствий сражена, вдруг душа поникла вяло, -
Пламень в душу мне проник, - жгла ее дотла не ты ли?

О краса моя, пригож облик трои в одежде алой,
Хоть прекрасна ты, а все ж взором глаз хоть раз пожалуй,
Грозным шахом ты слывешь, но молю: не мучь опалой!
Брови ты сурмишь - ну что ж: им покорен я, усталый,
Рдяный лик твой так хорош, а на нем - ресницы-жала, -
Ты - владыка всех владык, красотой светла не ты ли?

Пьешь вино ты, весела, словно роза вешних кущей,
Многим мертвым жизнь дала песней ты, усладу льющей,
А взлетит твоя стрела - рухнет каждый, тебя ждущий,
Всех жестоких превзошла дерзостью ты, смерть несущей,
Твоим жертвам нет числа: раб твой - каждый в мире сущий, -
Всех красой затмишь ты вмиг: как луна, бела не ты ли?

Дай же мне глоток вина - уст твоих хмельного сока,
Прежде, милости полна, ты не ведала зарока!
Знать бы, в чем моя вина, - погляди хоть краем ока,
Всюду ночь темным-темна, - так измучен я жестоко,
О, за что мне казнь дана - в жажде гибнуть одиноко? -
О, скажи - господь велик! - лживым словом зла не ты ли?

Взором злых своих очей мучишь ты меня сурово,
Шах - владыка палачей: лишь прикажет - казнь готова,
Пьешь ты хмель во тьме ночей, днем же кровь ты льешь бедово,
Сонмы жертв - не от мечей: убивает твое слово!
Звуком сладостных речей жизнь верни Машрабу снова, -
Ты - Иса, живой родник, мне же смерть несла не ты ли?

МУСАББА

Ты в садах красоты нетленной - вешней радости цветов,
Ты - вовеки несравненный свежей прелести росток.
Твои родинки - напасти, смута - черных кос клубок, -
Камнепад лихих несчастий надо мною так жесток!
Дивная! В твоей я власти, образ твой красой высок.
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

Блещет родинка сурмяно возле уст наедине,
Губят душу, глядя пьяно, очи в томной пелене,

То не рать ли Индустана в Сулеймановой стране?
Не зерно ли то тимьяна в нежной ямке, в глубине?
Не Юсуф ли бездыханно гаснет в кладезе на дне?
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

Роза, мой цветок румяный, тонкостенный мой тюльпан,
Кипарис мой сребростанный, взор тебе истомный дан.
В странах красоты желанной ты - властительный султан.
О, приди - я, бездыханный, пред тобой паду, заклан,
Силы, для терпенья данной, в сердце нет от мук и ран.
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

На твоём прекрасном лице - высшей тайны письма,
Волей высшего владыки красота им придана,
Подойди же к горемыке - хоть враждебна, хоть дружна!
Райским пальмам животворным ты подобна - так стройна,
И в кудрях - в венце их черном ты прекрасна, как луна.
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

Дивная, тебе подвластным - томно-страстным нет числа,
О челе твоём прекрасном ходит слава-похвала.
Розы вчесаны высоко в косы около чела,
Словно бы десница рока тебя к свадьбе прибрала,
Ты, - лишь глянут издалека - рай забудут, так мила.
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

Ты пройдёшь, косясь лукаво и величие храня, -
Я совсем сгораю, право, - позабыла ты меня.
Поросль на устах - курчава, чуть черна и чуть синя.
Глянешь ты - тебе забава, у меня ж в душе - грызня,
Брови-сабли - что расправа, лик твой жжет сильней огня.
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

За твой дивный взор все люди - все подряд - готовы пасть,
Даже все степные лани за твой взгляд готовы пасть,
Все за локон твой единый, говорят, готовы пасть,
За наряд, тобой надетый, Рум, Багдад готовы пасть,
И смятением пред тобою я объят, готовый пасть, -
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

Ты меня осиротила, я стенаю каждый миг,

За тобой брожу уныло много лет я, нищ и дик.
Стан твой вспомню - в муке пыла плачу стоном горемык,
Я умру, мне жизнь постыла, от твоих я кар поник,
А в тебе - краса и сила: ты - владыка всех владык.
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

Твои локоны кудрятся, лунный лик кольцом обвив,
Суждено и мне вплестаться нитью жизни в их извив,
Тучей стрел ресницы мчатся прямо в цель - насупротив,
Любо косам извиваться, кольца в сети превратив, -
Ну да что мне их бояться: ведь Машраб и сам строптив!
Ты красива, словно диво, ты - судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо - мне ни горя, ни тревог.

КОММЕНТАРИИ

Адхам - шейх Ибрагим ибн Адхам - основатель школы мистиков. Впоследствии герой узбекской мистической поэмы (кисса).

Балх - провинция Хорасана, сейчас провинция Северного Афганистана.

Брахман - индийский жрец, священнослужитель.

Газель (газаль)- лирическое стихотворение, главным образом лирического содержания, написанное бейтами, связанными одной рифмой.

Гулистан - буквально - цветник, розовый сад, символ цветущей страны.

Гурия - райская дева, красавица, служащая наградой правоверным.

Джам - легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Джейхун - старое, арабское название Амударьи.

Зуннар - пояс, который носили христиане, подданные мусульманских правителей. Надеть зуннар означало отречься от ислама.

Ибрагим - см. Адхам.

Изгой - человек, отвергнутый общественной средой или порвавший с ней, отщепенец.

Иса - Иисус Христос; причисляется мусульманами к числу великих пророков.

Искандер - Александр Македонский (356-322 гг. до н. э.).

Ирам - райский сад, Эдем.

Ишан - глава и наставник мусульман, общины, обычно принадлежащей к одному из мистических орденов.

Кааба - мусульманская святыня в Мекке.

Меджнун и Лейли - классическая влюбленная пара, чья любовь оканчивается трагедией.

Мекка - священный город у мусульман.

Михраб - сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.

Музаффар - имя современника Машраба.

Мусабба - форма восточной поэзии, семистишия. Две последние строки повторяются в каждой последующей строфе.

Мусаддас - форма восточной поэзии, рифмуются первые четыре строки каждой строфы.

Мустазад - форма народной и классической восточной поэзии со сложным размером.

Мурабба - форма восточной поэзии, четверостишия. Последние строки каждой строфы связаны одной сквозной рифмой.

Мухаммас - форма восточной поэзии, пятистишия.

Насими Имадеддин - знаменитый азербайджанский поэт. В 1417 году с согласия египетского султана Муайяддина казнен.

Птица Рух - сказочная птица, птица души.

Рейхан - душистая трава базилик.

Рум - так в древней поэзии называли Византию, а иногда и всю Малую Азию.

Сетар - народный струнный музыкальный инструмент, распространенный в Индии, Афганистане, Иране, Узбекистане.

Сулейман - мудрый повелитель людей и стихий, символ могущества и справедливости.

Суфийское учение - мистическая философия ислама, возникшая в IX в.

Танбур - струнный ударный музыкальный инструмент.

Тимьян - ароматичное стелющееся растение семейства губоцветных с мелкими, преимущественно розовыми и белыми цветками, из листьев которого добывают эфирное масло.

Узра и Вамык - герои дастана "Вамык и Узра" поэта XI века Унсури.

Фархад и Ширин - герои популярных поэм Низами, Амир Хосрова и Навои.

Хафиз - знаменитый поэт Востока.

Халладж Мансур - талантливый средневековый астроном.

Хызр - чудотворец, хранитель живой воды.

Чин - старое название Китая.

Юсуф - (библ. Иосиф Прекрасный) - герой поэтических произведений Востока.